

«МЫ ОБА РАБОТАЕМ ДЛЯ РОССИИ, ДЛЯ НАУКИ...»:

переписка С.Ф.Ольденбурга и Н.Н.Кроткова
из архивных собраний РАН*

*Вступительная статья, подготовка текста
и примечания М.Д.Бухарина*

В статье публикуется переписка Непременного секретаря Императорской Петербургской академии наук, руководителя двух Русских Туркестанских экспедиций (1909–1910 и 1914–1915) С.Ф.Ольденбурга и консула России в Урумчи Н.Н.Кроткова за 1908–1911 гг. из собраний СПбФ АРАН и АВ ИВР РАН. Публикуемые материалы в значительной степени обогащают наши знания по истории изучения Восточного Туркестана российскими археологическими экспедициями.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, архивы РАН, С.Ф.Ольденбург, Н.Н.Кротков, история археологии.

История Восточного Туркестана, в том числе история изучения данного региона, в значительной степени остается «белым пятном» на карте востоковедения. Археологические исследования проводятся чуть более ста лет, ряд памятников не сохранился и полностью разрушен под разрушительным воздействием неблагоприятного климата и человека. С другой стороны, целый ряд направлений изучения истории Восточного Туркестана находится в зачаточном состоянии, так как значительная часть источников не введена в научный оборот. Так, история торговли российских провинций в Средней Азии и Китайского (Восточного) Туркестана может быть в значительной степени дополнена на основе данных архивных собраний, как российских, так и зарубежных¹.

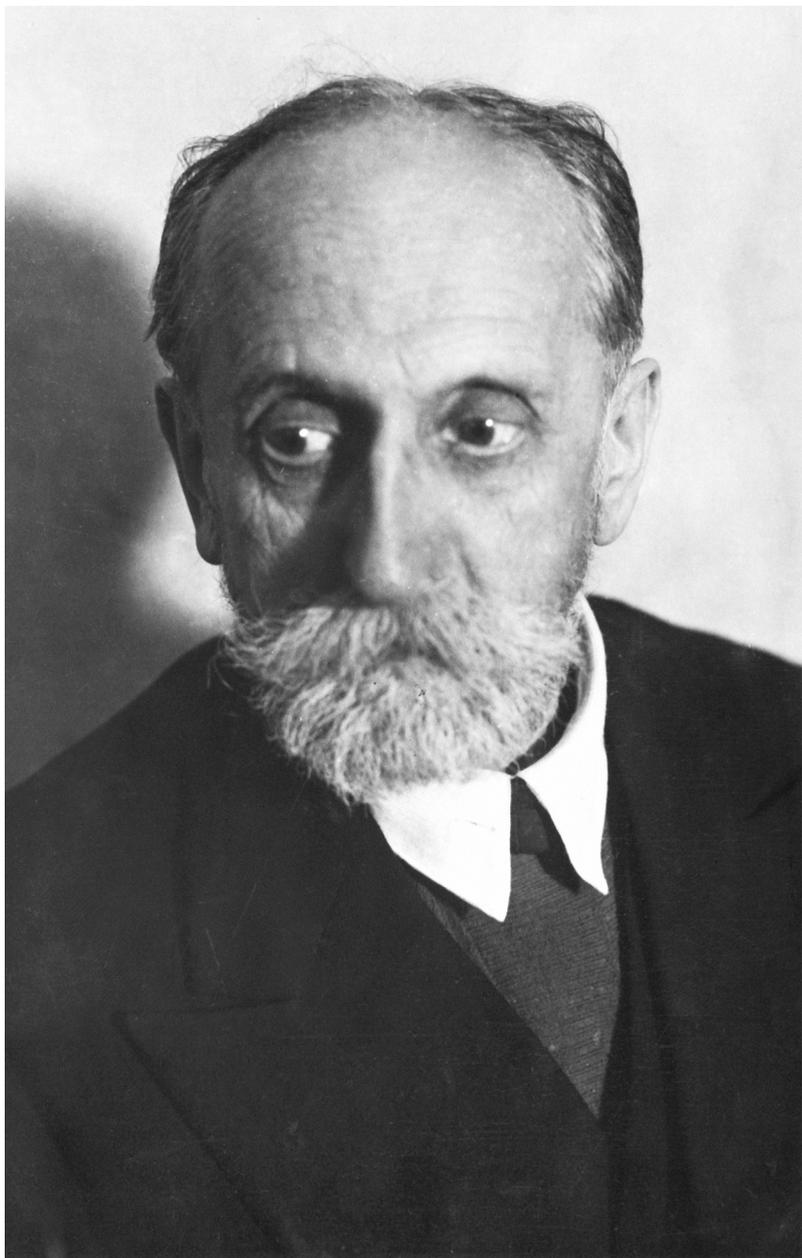

Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории Древнего Востока ИВИ РАН; 119334, Москва, Ленинский проспект 32А, (495)938-19-12; michabuha@gmail.com

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф.Ольденбурга: неизданные материалы» (№ 15-01-00096/15).

Сердечно благодарю Алексея Алексеевича Вигасина (ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова) и Сергея Всеволодовича Кулланду (Институт востоковедения РАН) за помощь в чтении и комментировании ряда фрагментов публикуемой переписки.

¹ См., например, обзор архивных фондов ЦГА Республики Узбекистан: Юнусходжаева 1988: 36–39.

С.Ф.Ольденбург. январь 1993 г. Ленинград. ЦГФКФФД

Несомненно, и история изучения Восточного Туркестана, несмотря на наличие обстоятельных очерков², может быть существенно дополнена. Важнейшим источником сведений о развитии археологического изучения Восточного Туркестана являются письма участников экспедиций, а также представителей дипломатического корпуса, работавших там. Научная ценность произведений эпистолярного жанра объясняется тем, что основные действующие лица исследований – С.Ф.Ольденбург, М.М.Березовский, С.М.Дудин, Д.А.Клеменц, непосредственно работавшие «в поле», по разным причинам опубликовали ничтожную долю накопленного и зачастую уже обработанного материала³. С.Ф.Ольденбург – Непременный секретарь Императорской академии наук, был перегружен административными хлопотами, а М.М.Березовский – в силу возраста, состояния здоровья и особенностей характера – не имел ни возможности, ни желания систематизировать в форме научных публикаций итоги своих работ.

Кроме того, как уже указывалось ранее в литературе по истории изучения Восточного Туркестана⁴, Министерство финансов длительное время не выделяло средств на организацию археологического изучения Восточного Туркестана. По этой причине иностранные экспедиции, не знавшие такой нужды в средствах, в значительной степени опережали российских коллег в темпе проведения исследований. В связи с этим особую ценность имели работы «энтузиастов» – сотрудников дипломатического корпуса: А.А.Дьякова, С.А.Колоколова, А.И.Кохановского, Н.Н.Кроткова, Я.Я.Лютша, Н.Ф.Петровского и ряда других фигур.

Среди «туркестанских писем» особую ценность имеет переписка между С.Ф.Ольденбургом и Н.Н.Кротковым, сохранившаяся в фондах СПФ АРАН (письма Кроткова Ольденбургу: 39 писем за период 9 мая 1908 – 30 октября 1911 г.; Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 1–44) и АВ ИВР РАН (письма Ольденбурга Кроткову: 14 писем за период 17 июля 1909 – 12 августа 1911 г.; Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1–25; пагинация листов не соответствует реальной хронологии писем).

Николай Николаевич Кротков (1869, Симбирск – 1919, Петроград) – российский востоковед-китаист, дипломат. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, Н.Н.Кротков служил переводчиком консульства в Кульдже (1897–1899), секретарем консульств в Гирине, Цицикаре и Кульдже, а также консулом в Урум-

² Литвинский, Терентьев-Катанский 1988.

³ Наибольшую ценность имеет краткий отчет о Первой Русской Туркестанской экспедиции (РТЭ): Ольденбург 1914. Несколько научно-популярных статей в расчет можно не принимать.

⁴ Рагоза 1972: 253.

чи. За время работы в Восточном Туркестане собрал коллекцию, состоявшую, в основном, из уйгурских и китайских рукописных фрагментов из Хотана, а также 29 согдийских, привезенную в конце 1907 г. в Петербург. По предложению К.Г.Залемана собрание Кроткова было приобретено за 5000 рублей, и его рукописная часть была передана в Азиатский музей Петербургской академии наук⁵.

В 1909 г. Кротков передал Азиатскому музею вторую коллекцию, состоявшую, как и первая, из 82 уйгурских, китайских и трех согдийских фрагментов. Оба собрания были описаны К.Г.Залеманом⁶. Материалы, присланные Н.Н.Кротковым, составили основную часть среднеперсидских и согдийских рукописей в коллекции Азиатского музея (ныне – Института восточных рукописей РАН).

Формирование следующей коллекции, поступившей в Азиатский музей 28 марта 1911 г., детально описывается в публикуемой ниже переписке С.Ф.Ольденбурга и Н.Н.Кроткова. В ее состав входили не только китайские среднеперсидские тексты, но и тибетские⁷.

В 1910 г. Кротков был избран членом-корреспондентом Этнографического музея (см. письмо № 35) и Русского Комитета.

Вернувшись в Россию, Кротков передал Азиатскому музею свое собрание маньчжурских рукописей, которую сам же и инвентаризировал в 1918 г. Исключительная важность собирательской деятельности Н.Н.Кроткова подчеркивается в практически каждом исследовании по истории Восточного Туркестана. С другой стороны, как и о многих других сотрудниках дипломатических ведомств в Восточном Туркестане, о нем самом известно крайне мало. Неспроста в наиболее подробном очерке по истории изучения Восточного Туркестана⁸ фигуре Н.Н.Кроткова уделено всего два абзаца.

Тем значительнее звучат слова самого С.Ф.Ольденбурга в предисловии к отчету о Первой РТЭ: «С чувством глубокой благодарности вспоминаем мы все, что было сделано для экспедиции Н.Н.Кротковым, Императорским Российским консулом в Урумчи: его просвещенному вниманию, глубокому интересу к древностям Китайского Туркестана и всегдашней готовности помогать мы глубоко обязаны»⁹.

На начало 70-х годов XX столетия значительная часть документов, привезенных С.Ф.Ольденбургом из Первой РТЭ, оставалось даже не

⁵ Рагоза 1972: 254.

⁶ Рагоза 1972: 255.

⁷ См. оригинал краткой описи тибетских рукописей, поступивших в фонд Азиатского музея в марте 1911 г. за подписью председателя Русского комитета В.В.Радлова: Zorin 2012: 366. Pl. 1.

⁸ Литвинский, Терентьев-Катанский 1988: 35–36.

⁹ Ольденбург 1914: vii.

разобранной¹⁰. О том, сколь мало фактически известно о ходе работ I РТЭ Ольденбурга, говорит хотя бы следующий факт: дата отправки экспедиции и начала работ известна из отчета самого Ольденбурга¹¹, дата завершения работ при их упоминании в литературе не указывается, вероятно, по той причине, что она не указана и в отчете самого Ольденбурга¹². Последующие даты устанавливаются из переписки. Так, 6 февраля 1910 г. Ольденбург отправляет из Кучи письмо консулу в Урумчи Н.Н. Кроткову, а 15 марта 1910 г. Н.Н.Кротков уже обращается к Ольденбургу с вопросом: «Когда снова предполагаете собраться сюда?». Вероятно, отъезд Ольденбурга состоялся в конце зимы – начале весны 1910 г.¹³ Даты начала и завершения работ II РТЭ указываются точно¹⁴.

Курсивом выделены места, подчеркнутые в оригинале.

№ 1

Кротков – Ольденбургу

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Согласно письменного извещения г<осподина> Штернберга¹⁵, два пакета, отправленные мною одновременно с посылками в Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии, переданы в Канцелярию Комитета и до сего времени хранятся там невскрытыми. Не откажите сделать распоряжение, чтобы пакеты были, наконец, вскрыты и отправленные мною Комитету вещи были надлежащим образом использованы.

Глубоко уважающий Вас и преданный

Н.Кротков.

9 мая 1908 г.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 1)

№ 2

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Если заметка Ваша о найденных мною в окрестностях г<орода>

¹⁰ Рагоза 1972: 259.

¹¹ Ольденбург 1914: 1–4 (отправление и начальный этап работ), 22 (дата прибытия в Турфан), 56 (19 декабря – дата прибытия в Кучар), 72 (12 января 1910 г. – отъезд из Кумтуры в пустыню Даван-Кум); далее даты не указываются.

¹² Например: Попова 2008: 156.

¹³ Б.С.Каганович указывает март 1910 г. как время окончания экспедиции (Каганович 2013: 55).

¹⁴ Например, Скачков 1993: 315–317.

¹⁵ Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) – крупный российский этнограф, профессор Петербургского университета (с 1918 г.), член-корреспондент АН СССР (с 1924 г.); на момент переписки занимал должность секретаря Русского комитета. Он нем см.: Гаген-Торн 1975.

Кульджи и переданных в Академию Наук терракотовых буддийских пластинках появятся в печати в июне или в начале июля¹⁶, то не сообразоволи ли сделать распоряжение, чтобы отдельный оттиск этой заметки был выслан мне в Ганге, в отель Belle Vue, где я предполагаю пробыть до 25 июля. Исполнением просьбы премного обяжали бы.

Свой теперешний адрес сообщая также и Русскому Комитету, от которого не теряю надежды получить извещение о двух посылках.

С искренним почтением

Ваш покорнейший слуга

Н.Кротков.

24 мая 1908 г.

Г<ород> Ганге.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 2–2об.)

№ 3

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Посылаю Вам это письмо с моим переводчиком (бывшим когда-то у Гренара¹⁷ и Дютрейль де Рена¹⁸) с последнего нашего стана верстах 10 до Урумчи. Нам пришлось двигаться медленно, т<ак> к<ак> заболел взятый нами с собой для надзора за раскопками из Керчи некто Петренко. Ему все худо. У меня тоже была лихорадка и не вполне, кажется, прошла.

Моя большая просьба к Вам сказать переводчику, где любезно нанятая Вами квартира. Очень бы хотелось, если возможно, заполнить

¹⁶ Публикация С.Ф.Ольденбурга о кульджинский терракоттах вышла в свет в 1909 г. (Ольденбург 1909: 563–566).

¹⁷ Гренар, Жозеф-Фернан (Joseph-Fernand Grenard; 1866–1942) – французский востоковед-лингвист, историк, этнограф. Не сумев спасти Ж.-Л. Дютрейль де Рена (см. ниже), добрался до Синьцзяна и Пекина. Вернувшись во Францию, поступил на службу в МИД, служил в консульской службе в Оттоманской империи, Латвии, России, Великобритании, на Ближнем Востоке, Польше, послом Франции в Югославии.

¹⁸ Дютрейль де Рен, Жюль-Леон (Jules-Léon Dutreuil de Rhins; 1848–1894) – французский мореплаватель, географ, путешественник. В 1884–1890 – сотрудник Департамента карт и планов Министерства военно-морского флота и колоний. В феврале 1891 г. по поручения Министерства просвещения вместе с Фернаном Гренаром отправился в экспедицию в Центральную Азию. В июле 1892 – мае 1893 гг. находился в Хотане, откуда совершил несколько экспедиций. В начале 1894 г. пересек Восточный Тибет. 5 июня 1894 г. был убит кочевниками-колоками в местечке Том-Бумбо китайской провинции Цинхай. Автор многочисленных научных трудов, основанных на материалах собственных экспедиций.

сегодня же Вашего доктора для Петренко, а также и для меня. Как это сделать?

Раз начал с просьб, кончу тем, что попрошу выслать нам навстречу джигита, который бы направил нас на квартиру. У нас тарантас, три телеги и две верховых.

Боюсь, что сегодня еще настолько устал, что не решусь выйти, и Вы мне позволите быть у Вас завтра. Какой час Вам удобнее?

Преданный Вам

Сергей Ольденбург.

15. VII. [1908].

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1–1об.)

№ 4

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Одновременно с сим посылаю Вам и спутникам Вашим семь полученных с последней почтой писем. Несколько дней тому назад мной отправлено было экспедиции таких писем 10.

Как Вы доехали? Как Ваше здоровье? Каково настроение духа Ваших сотрудников? Начали ли раскопки? Не нужно ли Вам чего-нибудь?

Буду очень благодарен, если, в свободную минуту, черкнете несколько строк.

Вместе со всей семьей шлю Вам привет и пожелание всего наилучшего. Прошу передать мой поклон Самуилу Мартыновичу¹⁹ и Дмитрию Арсеньевичу²⁰.

Глубоко уважающий Вас и всегда готовый к услугам

Н.Кротков.

См<отри> об<орот>.

P.S. Посылаю Вам также одну телеграмму, только что полученную. Так как телеграмма эта адресована в Консульство, то я и вскрыл ее. Надеюсь, что не поставите мне этого в вину.

Н.Кротков.

15 августа <1>909 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 3–4об.)

¹⁹ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929) – российский этнограф, художник, фотограф, путешественник. Один из основоположников научной фотографии, участник I и II РТЭ под руководством С.Ф.Ольденбурга, письма Дудина к которому являются важным источником сведений по истории изучения Восточного Туркестана; см. Бухарин, Тункина 2015: 107–128; там же см. литературу о Дудине.

²⁰ Смирнов Дмитрий Арсеньевич – горный инженер, участник I РТЭ.

№ 5

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Сегодня уже 22 августа, а вестей о Вас нет никаких. Сильно беспокоюсь, не зная, благополучно ли Вы доехали до Карашара и получили ли Вы мою телеграмму о разрешении казакам остаться при экспедиции.

Простите, что пишу так мало – тороплюсь отправить Вам через здешнего Даотая и Карашарского Областного Начальника полученные с последней почтой письма, всякие промедления в отправке которых считаю непозволительными. Привет от меня и всех моих,

Искренне преданный Вам

Н.Кротков.

22 августа <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 5–5об.)

№ 6

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый Николай Николаевич

Большое спасибо за телеграмму, которую получили в Карашаре. Дорога наша затянулась, так как в Ушак-гале мы услышали о развалинах и пещере. Развалины, хотя и старые, но требуют много времени и могут дать немного, т<ак> к<ак> это почти наверное была крепостца, а не город. Пещера оказалась с фресками, очень пострадавшими, но не безынтересными. Пещера и развалины отняли у нас два дня целиком. В Карашаре мы не остановились: проехали прямо в Дензиль. Чжи-фу был очень предупредителен. Здесь же приступили к осмотру пока главным образом минуя, т<о> е<сть> в сущности большого монастыря, у гор, верстах в 12 от Дензиля. Мы пришли в ужас от способа работы Лекока: это грабительство, правда, очень ловкое, очень умное, но не научная раскопка, а грабительство. Здесь еще очень много дела, и можно выяснить для архитектуры, но это дело второго года, п<потому> ч<то> работы не менее, чем месяца на три. Думаю, однако, что и мы уедем не с пустыми руками. Здесь, несмотря, повторяю, на грабеж наших предшественников, много важного дела, хотя и увезти много не удастся, а рукописей и следов даже нет. Туземцы не копают и к коне-шарам равнодушны, не то, что, по видимому, в Турфане, Куче и Хотане.

Казаками я пока вполне доволен и думаю, что и им не худо. Босук прямо неоцененный человек, и двое других тоже хороши. Дорога местами была из-за плохой воды не совсем приятна, один раз был ночью

буран, 5 ночей мочило дождями (мы упорно не разбивали палатки, веря в «бездожде» Кит<айского> Туркестана и только после такого основательного опыта перешли к палаткам), 1 ночь ел комар (в Табелгугу), т<ак> ч<то> никто, даже Босук, не мог сомкнуть глаз. Но это все, конечно, пустяки – мы, в общем, слава Богу, здоровы и бодры. Без некоторых шероховатостей, естественно, не обходится: люди трудно меняются, но пока удается улаживать дело.

Почты мы до сих пор не получили, посылаем еще сегодня за ней; бедный мой Смирнов от этого в миноре, хотя работает усердно.

Писать очень мало времени: хотя я и встаю в 5 часов, а иногда и ранее, но вот это письмо пишу третий день!

Перечислю Вам помеченные нами развалины около Карашара.

1. Не доезжая Карашара, ступа и маленький монастырь (?). Надеюсь, что здесь покопают во время экспедиции, ради архитектурных деталей, копать легко, но результаты не показательные.
2. Монастырь (?) перед Карашаром, мало, по-видимому, интересно. 3–8²¹. Около Дензиля и Шорчука²² (первое верст 15 от города, вернее, реки, второе верст 30(?)).
3. Конешар, старый город (версты две от Дензиля), около 3 верст в окружности – Смирнов снял план, очень заплыл шором, и раскопки очень сложны по большому масштабу, в котором их надо вести.
4. Ближе оттуда какие-то бесформенные стены.
5. Верстах в 6, по направлению к горам, сильно заплывшая ступа.
6. Недалеко оттуда развалины монастыря, сильно занесенные песками.
7. Большой монастырь в предгорье – мин-уй. Пробит немцами, но для архитектуры может дать много. Мы снимем общий план, фотографии и немного покопаем. Остальное для продолжения экспедиции: здесь работы на 3 месяца и на несколько тысяч.
8. 12 пещер, ободранных немцами, в полуверсте от мин-уя. Должны быть и обвалившиеся, но по характеру лесовых оплывов нельзя ничего доказать[ся], и пришлось бы пробно копать без конца.

Как видите, материал немалый и даже после ограблений для науки, если не для музеев, может дать массу ценного. Все эти сведения сообщаю пока только для Вас, т<ак> к<ак> до отчета Комитета я не имею права ничего сказать публично. В Вас я уверен, но сторонние могут и разболтать, Вы сами это хорошо знаете.

²¹ Сначала было написано 7, исправленное затем на 8.

²² Имеется в виду местность Шикшин. Как указывает Ольденбург, местные жители называли ее просто Мин-уй, упоминания название «Шикшин» только «при настойчивом расспрашивании». Также они давали ей название Боркай. Имя Шорчук было ей дано Прусской экспедицией по названию ближайшей почтовой станции в сторону Курля (Ольденбург 1914: 3).

Долбежев²³ писал, что выедет после 20, если позволят дела, он, верно, нас еще застанет. Боюсь, что мы нашей осторожностью в выводах и предположениях не совсем его удовлетворим²⁴.

Надо кончать – скоро уже 6 часов, и я иду на работу. Глубокий, сердечный привет Марии Романовне – я никогда не забуду ее внимания к нам, этого настоящего человеческого внимания, которое так дорого людям, далеким от своих. Мне бы хотелось, чтобы она почувствовала за этими словами все то, что в них вложено. Оле и Нати – большой привет – славные они у Вас. Августе Карловне поклон и пожелание здоровья. Крепко жду Вашу руку, дорогой Николай Николаевич, сер-

²³ Долбежев Борис Васильевич (?–1910), дипломат, секретарь русского консульства в Урумчи, занимавшийся археологическими разведками в Китайском Туркестане. Судя по документам, конфликтовал с Н.Н.Кротковым. Дата его кончины устанавливается на основе архивных документов. Так, В.А.Строковский сообщал С.Ф.Ольденбургу 4 апреля 1911 г.: «Не знаю, слышали ли Вы, что Б.В. Долбежев скончался прошлым летом от заражения крови, развившегося вследствие карбункула на лице, и заболел он, можно сказать, накануне своего отъезда из Урумчи» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 567. Л. 2).

Долбежев – автор ряда статей по истории Центральной Азии, см. точные ссылки: Попова 2011: 165 (прим. 6). О нем см.: Алексеева. Ланцанова 2006: 82–84.

²⁴ В СПбФ АРАН (Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 8–8об.) сохранилось письмо Б.В.Долбежева от 7 августа 1909 г., до некоторой степени проливающее свет на историю его взаимоотношений с Ольденбургом и Кротковым: «Многоуважаемый Сергей Федорович, Как поживаете? Здоровы ли? Все ли у Вас благополучно? Как поживают ваши спутники? Сейчас уезжает в Кучэ один сарт – тамошний аксакал Хальмухамед, – который поедет в Карашар и, вероятно, встретит Вас. Пользуюсь этим случаем, чтобы сообщить Вам следующее. 1) По рассказам торгоутов, найденная Штейном кумирня находится в местности «Шикшин» в 60 ли к западу от города Карашара. Местность эта служит для местных кочевников зимником. Кумирня носит название «Минг ан бурхан суме». 2) В Карашаре есть один Хубилган, называемый Гомын-геген. Нынешний геген представляет 7-е поколение. Гегену немного более 30 лет. Он торгоут, как и все его предшественники.

Моя поездка откладывается на неопределенное время. Во-первых, очень много дела в Канцелярии – дела все спешные и внезапные. Удивительное стечение обстоятельств. Во-вторых, получил известие от хана из Си-ху и от его брата из Каршара о том, что в самом непродолжительном времени они оба будут в Урумчи. Брат хана просит не выезжать до его прибытия. Для меня во всех отношениях удобнее дожидаться его здесь, чтобы потом организовать свою поездку при его содействии. Выеду, вероятно, числа 2-го августа. Привет всем. Преданный Вам Б.В.Долбежев. Г<ород> Урумчи, 7/VIII 1909».

дечное спасибо Вам за помощь и заботы о нас. Дай Бог, чтобы Ваша работа находила себе поддержку на верхах, и дай Бог, чтобы у нас на Востоке было больше таких людей, как Вы.

Искренне преданный Вам

Сергей Ольденбург.

Самуил Мартынович напишет особо и о Сае-пу, Дмитрий Арсеньевич шлет всем большой привет.

22. VIII. <1>909.

Мин-уй у Шорчука.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 8–9об.)

№ 7

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Посылаю Вам 6 писем, полученных с последней почтой. 23 числа осматривал Улан-бай. Завтра опять туда выезжаю, захватив с собою несколько человек копальщиков. О результатах раскопов сообщу подробно.

Долбежев уехал в Карашар. Я отпустил его на две недели. Перед отъездом он заявил мне лично, что имеет поручение «от Университета».

Жду от Вас писем. Прошу передать мой поклон Самуилу Мартыновичу и Дмитрию Арсеньевичу.

С наилучшими пожеланиями остаюсь преданный Вам и всегда готовый к услугам *Н.Кротков.*

27 августа <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 6–7)

№ 8

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Только что получил Вашу телеграмму и посылаю ответ, для этого отправляю Босука в Карашар и передаю нашу почту, на этот раз немного: совсем некогда писать <:> столько дела. Тут и еще большей экспедиции много дела, немцы и Штейн работали очень странно, просто грабили. Рукописей мы не находим, но фрески и вещи есть, т.е. придется послать не менее 10 ящиков! Работаем дружно и усиленно. Через неделю думаем в Турфан. Здесь нас допекают отчаянные ветры и дождь, что очень мешает работе. Становится свежо, ночью в палатке спускается уже до +4°. Это свежо и очень для начала сентября. Почту просим в Турфан, куда поджидаем и Вас, Вы увидите, как хорошо можно работать компанией. М<ожет> б<ыть>,</p></div>

и Мария Романовна соберется с детками? Сердечный Вам всем привет от всех нас.

Искренне преданный Вам

Сергей Ольденбург.

Мин-уй близь Дензиля.

8. IX. <1>909.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 6)

№ 9

Кротков – Ольденбургу

9 сентября <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Любезное письмо Ваше от 22 августа²⁵ я получил 30 числа того же месяца. Искреннее спасибо Вам за Ваши ласковые и ободряющие слова – а то, право, мне иногда кажется, что я занимаюсь совершенно лишней и никому не нужной работой.

Первая почта Ваша из Карашара пришла замечательно удачно: на другой же <день> я мог ее уже отправить в Чугучак²⁶.

29 и 30 августа занимался раскопками развалин городка в Улам-бае. О результатах подробно сообщу в следующем письме; приложу и фотографические снимки. Теперь же могу сказать только одно: вряд ли это древний город и вряд ли там можно найти что-нибудь стоящее внимания.

Несколько открыток для Вас уже готово. Отправлю их Вам с верным случаем в Турфан.

При настоящем письме посылаю Вам то, что получено из Чугучака с последней почтой, а именно: 8 писем, пакет за № 1.008 и один номер газеты.

Жена и дети Вам кланяются.

Не откажите, пожалуйста, передать мой поклон Самуилу Мартыновичу и Дмитрию Арсеньевичу.

Самуилу Мартыновичу напишу со следующей почтой отдельно. Как жаль, что он пишет так иероглифически! В интересном письме его об осмотре курганов около ст<анции> Чай-во-пу (Са-ё-пу) для меня до сих остаются темные места. А о записанных им лекциях Ва-

²⁵ См. выше письмо № 6.

²⁶ Чугучак (*уйг.* Чечэк) – городской уезд на севере Синьцзяна у южного склона хребта Тарбагатай. Основан в XVI в. уйгурскими торговцами из Кашгара. В Чугучаке 7 октября 1864 г. был подписан Чугучакский протокол об установлении границы между Россией и Китаем в Средней Азии.

ших об искусстве Индии нечего и говорить: над разбором записей этих трудимся всей семьей, но, к сожалению, не всегда удачно.

Как идут Ваши работы? Когда собираетесь в Турфан?

Искренне преданный Вам и всегда готовый к услугам *Н.Кротков*.
(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 8–9об.)

№ 10

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Вместе с письмами, полученными из России на Ваше и С.М.Дудина имя, посылаю Вам несколько открыток с моими фотографическими опытами. Одна из открыток – группа дунганских ребятишек на ст<анции> Куйтунь; помнится, эта фотография Вас заинтересовала. На других открытках виды той самой горной местности, где мы вместе прожили несколько дней. Прилагаю еще одну фотографию, на которой, надеюсь, несмотря на плохую работу, узнаете себя и своих знакомых.

С мечтой о поездке в Турфан для осмотра под Вашим руководством тамошних древностей приходится, к сожалению, расстаться. Отъезду моему из Урумчи всего более препятствует отсутствие секретаря. Отпущенный на две недели, г<осподин> Долбежев вот уже месяц неизвестно где находится. С дороги он писал мне, что упал на охоте в горах и сильно ушиб себе ногу, вследствие чего в Карашар не поедет, а вернется назад, как только будет в состоянии сесть в седло. Но вчера приехал сюда один дунганин, который говорит, что не более 10^{ми} дней тому назад он встретил секретаря здешнего Консульства, и что г<осподин> Долбежев в совершенном здравии едет к карашарскому торгоутскому хану. Таким образом, если дунганин говорит правду, выходит, что Долбежев, желая продлить свой отпуск, не постеснялся прибегнуть ко лжи. Этот человек, кажется, не может обходиться без обмана и добросовестно относиться к своим обязанностям!

Между тем, мне приходится много работать, Спасибо еще Мария Романовна усердно помогает мне и неутомимо переписывает на машинке.

Через несколько дней окончу свою работу – о соображениях, которые должны быть приняты в расчет при заключении нашего нового торгового договора с Китаем. Тогда представлю Вам краткий отчет о раскопках, проведенных мною в Уламбае.

Крайне сожалею, что не могу переговорить с Вами лично. Писать же обо всем, что хотелось бы высказать, слишком долго.

Вместе с Марией Романовной и детьми шлю Вам сердечный привет и наилучшие пожелания.

Не откажите передать мой поклон Самуилу Мартыновичу и Дмитрию Арсеньевичу.

Уважающий Вас и всегда готовый к услугам

Н.Кротков.

Г<ород> Урумчи.

19 сентября <19>09 г.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 10–11об.)

№ 11

Кротков – Ольденбургу

Текст письма написан на визитной карточке:

«Николай Николаевич Кротков

Императорский Российский Консул Г<ород> Урумчи (Китай)»:

28 сентября <19>09 г.

Жму Вашу руку, глубокоуважаемый Сергей Федорович, и шлю поклон Вашим сотрудникам. Дай Вам бог здоровья и успешной работы! Писать некогда. Пошла уже 6ая неделя, как уехал отсюда отпущенный мной только на 15 дней Долбежев. Он пишет, что задержался из-за ушиба ноги, по словам же видевших его, здоровехонек. Более недобросовестного отношения трудно придумать. Спешной и ответственной работы масса. Работаю и за Консула, и за Секретаря, и за переводчика, и даже писца.

Искренне преданный Вам

Н.Кротков.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 12–12об.)

№ 12

Кротков – Ольденбургу

Текст письма написан на визитной карточке:

«Николай Николаевич Кротков

Императорский Российский Консул Г<ород> Урумчи (Китай)»:

30 сентября <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович, очень и очень хотелось бы поработать с Вами несколько дней в Турфане, да дела не пускают! 29 числа утром ташкент<ский> сарт Адиль-баба (родственник Ильхамджанова) в припадке умопомешательства напал с ножом в руке на двух незнакомых ему китайцев; одного из них убил, другого ранил. Теперь занят окончанием этого дела. Волнение, охватившее кит<айских> под<данных> и грозившее принять опасный для фактории нашей размер, удалось погасить. – Долбежев вернулся 29 вечером. О причинах опоздания нагнал так, как может лгать ленивый и ис-

порченный школьник. Отвратительный тип. Давно от Вас не получаю никаких известий. Как Вы поживаете? Как идет работа? Семья моя и я шлем Вам искренний привет и пожелания всего наилучшего. Поклон Вашим сотрудникам. Преданный *Н.К*<ротков>.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 13–13об.)

№ 13

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Сердечное спасибо за приветы Марии Романовне и Вам за привет, который на чужбине вдвойне дорог. Между Карашаром и Турфаном мы мерзли порядочно, в Турфане тепло. Мы поработали в старом городе на Яре, нашли немного фресок, вещей и рукописей (клочки). Город этот заслуживает серьезного внимания и раскопок. Видели еще старый Турфан около Китайского Турфана. Сегодня едем по мелким ущельям.

Смущает нас отсутствие почты, дело в том, что карашарская нас уже не застала, в Турфане нет еще почты, а последние известия из дому от середины июля! Ох, эти китайцы, неужели для них время никогда ничего не значит?

Через неделю опять рассчитывал послать письма, теперь сплошная работа и не успеваем писать письма.

Крепко жму Вашу руку. Привет Марии Романовне. Мои спутники просят передать их поклоны.

Искренно преданный

Ваш *Сергей Ольденбург*.

Турфан. 5. X. <1>909.

Большая просьба: можно Вас попросить передать приложенную мерку аксакалу, чтобы он заказал по ней сапоги обоим казакам, здесь не достать, а я боюсь, что их сапог не надолго хватит. Просил бы хорошие сапоги и заплатить за них с разрешением сделать мне потом распоряжение о переводе этих денег на Ваш текущий счет в Чугучаке. Простите великодушно за подобную просьбу, но Вы приучили меня обращаться к Вам за помощью.

(СПФ АРАН. АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 15–15об.)

№ 14

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Письмо Ваше от 20го сентября²⁷ получено мною 4го октября. Письмы с древностями отправлю с ближайшей тяжелой почтой в Чугу-

---

²⁷ Это письмо в фонде Кроткова не сохранилось.

чак. Относительно дальнейшей их отправки со своей стороны напишу агенту Каменских. Позабочусь и о возчиках – постараюсь, чтобы они выехали отсюда обратно возможно скорее и беспрепятственно.

Теперь несколько слов о раскопках развалин, находящихся в местности Уламбай, верстах в 15 от Урумчи. Я ездил туда два раза. Первый раз – 23 августа – я более осматривал, чем копал. Нашел несколько разбитых жерновов; совершенно такие же жернова можно видеть и теперь в каждом здешнем городе и даже селении, зерновой хлеб мелется на них при помощи ослика или лошади. При осмотре развалин установил, что крыши рухнувших глинобитных построек лежат почти на самой поверхности земли и лишь слегка прикрыты тонким наносным слоем; камыш, составлявший нижнюю сторону крыш, очень хорошо сохранился. Живущие около развалин дунгане объяснили мне, что ниши в стенах покинутого города сделаны пастухами, которые пасут здесь скот и в этих нишах находят убежище от непогоды. Действительно, заметно, что в нишах разводился огонь; в некоторых нишах даже устроены дымоотводы. В другой раз я провел среди развалин в Уламбае двое суток (29 и 30 августа). Выезжали со всей семье – с Марией Романовной и детьми. У меня было пять наемных копачей; кроме того, помогали казаки. Копали много. Делали раскопки и там, где Вы немного пробовали рыть, и около дерева, и во многих других местах. Результаты раскопок весьма неутешительны: найдено довольно много разрозненных и полуистлевших человеческих костей, несколько чохов, из которых одни очень старые, другие относятся к началу прошлого столетия, один железный топорик, совершенно такой же формы, какая теперь существует у китайцев на этого рода изделия, одно пряслице и один шарик из китайских четок. Всего более потрудился я над раскопкою развалин около дерева. Тут, очевидно, была маленькая кумирня. Вокруг внутренней комнаты или самой кумирни проходила с трех сторон галерея, выложенная жженым кирпичом. Для того, чтобы сделать свое описание более понятным и наглядным, посылаю Вам два фотографических снимка. На первом из них Вы увидите под ногами рабочих белую полосу; это оштукатуренный земляной пол кумирни. Второй снимок дает понятие о галерее, окружавшей кумирню. У входа в галерею виднеется ряд кирпичей, на одном из которых отчетливо сохранился вытисненный рисунок. Таких кирпичей на полу галереи найдено много. Один из них, лучше других сохранившийся, посылаю Вам при этом письме. Не откажите сообщить, представляет ли он какой-нибудь интерес. Чтобы добраться до пола кумирни и галереи, потребовалось снять земли не более $\frac{3}{4}$ аршина; местами даже менее. Земля сырая. В такой почве, конечно, ни бумага, ни материя вроде холста или шелка не могли долго сохраняться. Куски дерева,

попадавшиеся нам при раскопках, представляли из себя гнилушки, рассыпавшиеся при первом прикосновении в порошок, кости людей и животных сильно истлели, много кирпичей от сырости размякло. Неудивительно поэтому, что никаких рукописей, книг каких-либо или картин я не нашел. Не найдено также никаких следов живописи на стенах. Ниже пола кумирни и галереи земля очень тверда и с трудом поддается заступу.

Здесь кстати будет заметить, что наряду с рассказами, относящими постройку города в Уламбае ко времени какого-то мифического царя Дакиянуса²⁸, среди жителей Урумчи ходят и другие рассказы, по которым означенный город возник незадолго до появления Якуб-бека в Южной Джунгарии был разрушен войсками Бадулета.

Как Вы поживаете? Как устроились в Турфане? Как идет Ваши работы? Вместе со всей семьей шлю Вам сердечные пожелания здоровья и успеха.

Мария Романовна просит многоуважаемого Самуила Мартыновича принять ее живейшую благодарность за интересные открытки.

О служебных делах своих напишу в следующем письме.

Искренне Вам преданный и всегда готовый к услугам

Н.Кротков.

9го октября <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 14–15об.)

№ 15

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Сегодня сразу три почты! Спасибо за Ваши заботы о нас, а то с китайцами услышишь лишь массу любезностей и времени потеряешь без конца. Сегодня мы кончили работу в западной части оазиса: старый город на Яре, ошибочно называемый здесь именем Яр-хото, и три ущелья к северу от Турфан-города. На восточной половине проведем, вероятно, не менее трех недель, а то и все четыре. Продолжаем возмущаться «раскопками» немцев: это не раскопки, а какое-то безобразное грабительское копанье с полным пренебрежением к тому, что копали. Дело просто: мы узнали от туземцев, что немцы поручали сартам копать, а сами только заезжали от времени до времени посмотреть! Мы

²⁸ Имеется в виду римский император Деций (249–251), с именем которого связывается легендарная сторона истории города Караходжа (= Хочо) / Идикутшахи (город Идикута, т.е. Декия/Деция), расположенного в 30 км от Турфана.

ведем раскопку все время сами и не останавливаем рабочих одних, а также стараемся выяснять планы зданий и не копаем ямками.

Большое спасибо за прекрасные открытки. Мы Дмитрием Арсеньевичем с удовольствием вспоминали дни, которые провели с Вами в этой великолепной местности. Из писем сына узнал, что он все лето ходил по горам Тироля, сделался альпинистом, он бы, наверное, оценил Тянь-шань.

Понимаю, как Вам трудно, и не совсем понимаю Вашего секретаря, который, очевидно, не представляет себе, каково Вам. Здесь тоже чувствуется страх перед новыми пошлинами, так как при меновой торговле для многих это очевидное разорение.

Пишу Вам с каждой почтой о наших делах.

Сердечный привет Марии Романовне, Вам и деткам. Желаю сил и успеха.

Спутники мои шлют поклон и благодарят за хлопоты о корреспонденции.

Крепко жду Вашу руку
Искренно преданный
Ваш *Сергей Ольденбург*.
Турфан. 12. X. <1>909.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 12–12об.)

№ 16

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Всякий раз, как после Вашего отъезда в Карашар приходит сюда почта из России, я испытываю особое чувство: мне как-то неловко протягивать руку к полученным мною газетам и журналам при мысли, что в нескольких днях пути от меня находятся европейски-культурные люди, давно уже не имевшие в руках газетного листа. С последней почтой чувство это овладело мной так сильно, что я решил непременно отправить Вам в Турфан несколько газет. Однако отправка «Нового времени» оказалась затруднительной ввиду большого размера этой газеты. Поэтому я обратился к доктору Строковскому²⁹ с просьбой

²⁹ В.А.Строковский – доктор русского консульства в Урумчи в 1906–1911 гг.; поддерживал научные связи с Русским географическим обществом и получал его издания. Строковский увлекался фотографией и высылал негативы с видами Китайского Туркестана и его памятниками (включая коллекцию «видов китайских богов») в МАЭ С.М.Дудину и С.Ф.Ольденбургу (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 567. Л. 1–2об. – письмо от 4 апреля 1911 г. из Чугучака в Петербург).

В фонде Н.Н.Кроткова в Архиве востоковедов ИВР хранятся его рабо-

уступить мне для пересылки Вам номера «Биржевых ведомостей», которые им уже прочитаны и более ему не нужны. Г<осподин> Строчковский весьма охотно исполнил мою просьбу.

Итак, с удовольствием посылаю при настоящем письме Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, 12 номеров Биржовки. Со следующей почтой отправлю еще несколько номеров.

Кроме газет отправляю еще небольшую посылку на имя С.М.Дудина.

Служебные занятия мои идут не особенно важно, и настроение духа у меня прескверное. Подробно об этом напишу в следующем письме.

Как Ваше здоровье? Что нового у Вас? Исправно ли получаете Вы почту из Урумчи?

Мария Романовна и дети шлют Вам поклон.

Не откажите передать мой поклон Самуилу Мартыновичу и Дмитрию Арсеньевичу.

Преданный Вам

Н.Кротков.

14 октября <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 16–17)

№ 17

Ольденбург – Кроткову

Многуважаемый Николай Николаевич,

Большое спасибо за Ваше интересное письмо. Думается, что при той небольшой глубине, на которой оказался грунт в Улан-бае, вряд ли город древний. Обожженные притки, подобные той, которую Вы прислали, мы находим и в Идикут-шори (по-местному Идикут-шари), но больше и другого рисунка. Думаю, что эти плитки не дают никакой даты; они, верно, китайские. Нельзя ли предположить, что город XVIII века? М<ожет> б<ыть,> найдется что в китайских источниках. Извиняюсь, что пишу плохо, но в палатке 0, а снаружи -2, и рука стынет. Мы в Безеклике-Муртуке (это название всей местности) в горах, верстах в 10 от Караходжи. И здесь немцы хозяйничали свирепо, много, наверно<е> взяли, но много и испортили. Думаю, что холода пере-

---

ты – машинописное «Описание прямого пути от Монаса до г. Зайсана, пройденного в августе 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В.А.Строчковским» и описание поездки к городищу Мачёцзы (АВ ИВР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14/26). Первая из них ранее была указана как «неопубликованная» (Бухарин, Тункина 2015), однако позднее удалось обнаружить ее издание в: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1913. 86. С. 242–283.

менят наши планы, уже и теперь трудно чертить и калькировать, мы верно решили, что мои спутники вернутся – оставаться им <—> только напрасный перевод времени и денег, мне мои работы можно вести с удобством, точно также и осмотры, так что я проеду в Кучар³⁰. Как поедут мои спутники, еще не решили. Ели они поедут на Урумчи, то я отправлю с ними казаков, себе оставляю переводчика и повара, больше мне народа не надо. Кончаю вечером после работы, в палатке холодно и пишется не без усилия, так что вполне понимаю, что мои товарищи не могут чертить и рисовать.

Безклик-Муртук произвел на меня впечатление гораздо меньшее, чем я ожидал: очень однообразно, и живопись по преимуществу китайского характера, есть, впрочем, пещеры индийского характера с надписями (санскритскими – тексты из канона), ее кто-то ужасно обезобразил, и остались жалкие остатки. Я списываю остатки надписей, так как боюсь, что немцы этого не сделали. Вообще грустно, что невольно приходится их очень критиковать, приятнее находить хорошее у товарищей по работе.

Сердечный привет Вашим. Желаю Вам поменьше неприятностей по службе.

Самуил Мартынович и Дмитрий Арсеньевич шлют Вам и Вашим поклон.

Искренно преданный Вам

Сергей Ольденбург.

Безклик на Муртуке.

21. X. <1>909.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 7–7об.)

№ 18

Кротков – Ольденбургу

Текст письма написан на визитной карточке:

«Николай Николаевич Кротков

Императорский Российский Консул Г<ород> Урумчи (Китай)»:

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Сергей Федорович, вместе с письмами вторую партию газет. Примите сердечный привет и искренние пожелания всего лучшего.

Преданный Вам

Н.Кротков.

22 октября <19>09 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 18–18об.)

³⁰ Чтение этого фрагмента письма затруднено чернильным пятном.

№ 19

Кротков – Ольденбургу

28 октября <19>09 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Вследствие ледохода по Иртышу почта, идущая из европейской России в Чугучак, задерживается в Семипалатинске. В последний раз писем, газет и журналов получено очень немного. На Ваше имя пришло только одно письмо; посылаю его Вам.

Позвольте поблагодарить Вас, многоуважаемый Сергей Федорович, за Ваше любезное внимание к моим детям, для которых Вы выписали «Индийские сказки» Коржинской³¹ и «Свет Азии» Э.Арнольда³² в переводе А.М.Федорова. По поводу этих книг дети сами пишут Вам.

12 ящиков в вещах из Карашара доставлены в Урумчи вполне благополучно и хранятся теперь в Консульстве. Ящики эти очень тяжелы. С почтою можно отправлять не более двух ящиков за один раз, да и то в том только случае, если не будет других посылок. Не разрешите ли отправить древности из Урумчи в Чугучак на особой подводе? Прошу Вас возможно скорее уведомить меня об этом.

Сапоги для казаков шьются во взводе, скоро будут готовы.

Мне пришла в голову мысль отправить Вам отсюда сухарей. Мария Романовна отнеслась к этой мысли с полным одобрением. Теперь вопрос лишь в том, с кем переслать эти сухари в Турфан. Впрочем, может быть, выручит недавно прибывший сюда командированный Русским Комитетом в Западный Китай для лингвистических исследований Кандидат богословия Сергей Ефимович Малов. Он пробудет в Урумчи недели две и затем через Турфан и Хами отправится в Су-чжоу. Малов, кажется, славный человек. Озабочен снаряжением его в дальнейший путь и устройством ему по возможности сносных условий жизни в окрестностях Су-чжоу. Неужели же Вы уедете из Турфана до прибытия туда Малова?

Относительно медленно доставки Вам почты имеем объяснение с китайскими властями. Уверен, что теперь, на некоторое, по крайней мере, время, дело пойдет лучше. А потом, конечно, потребуются еще новые объяснения и настояния. Что поделаете – такой уж народ эти китайцы!

³¹ Имеется в виду следующее издание: Коржинская 1903.

³² Имеется в виду «Свет Азии или Великое отречение» – наиболее значительное произведение английского поэта Эдвина Арнольда (1832–1904), посвященное жизни основателя буддизма Сиддхартхи Гаутамы. Перевод А.М.Федорова вышел в Санкт-Петербурге в 1906 г. с подзаголовком «Изложение в поэтической форме буддизма».

Не откажите сообщить, получены ли Вами почты, отправленные Вам

- 1) 8го сентября в пакете № 393 в Карашар.
- 2) 27 сент<ября> — № 411 в Турфан.
- 3) 2го октября — № 420 — Турфан.
- 4) 8го октяб<ря> — № 430 — Турфан.
- 5) 14 октяб<ря> — № 443 — то же.
- и 6) 22 окт<ября> — № 453 — то же.

Получили ли Вы письма и посылку, отправленные мной с рус<ским> под<данным> торговцем Нурчабаевым? Получил ли Самуил Мартынович посылку, посланную при одной из почт с китайскими курьерами?

Хорошо ли Вы устроили в Турфане? Не нужно ли Вам чего-нибудь <?> Пишите без стеснения – буду очень рад быть Вам полезным.

Очень приятно, что мои открытки Вам понравились. Если хотите, могу отпечатать их еще несколько экземпляров. Самуилу Мартыновичу и Дмитрию Арсеньевичу не решаюсь их предложить. Но, если они пожелают иметь их, исполню их делание весьма охотно.

Сердечный привет и поклон Вам и Вашим сотрудникам от меня и всех моих.

Преданный *Н.Кротков*.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 19–20)

№ 20

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Начинаю с того, с чего начинаю каждое письмо – от души благодарю Вас за Ваши заботы о нас: хорошо понимаю, что постоянная внимательность и предусмотрительность китайских властей результат Вашего внимания. Почту мы собственно получаем правильно, т.е. ни одна, по-видимому, не пропала, но движется она невероятно медленно: несмотря на близость Турфана, почта доводится до нас лишь долго спустя после того, как могла бы, считая даже самое медленное передвижение. С поступлением почты, как и с Вашей телеграммой, произошло серьезное промедление из-за небрежности аксакала: несмотря на то, что, уезжая в Караходжу, я ему сказал, чтобы телеграммы и письма пересылались немедленно, что я заплачу посланному, он задержал и телеграмму, и почту и переслал их только, когда по телеграмме Нетая ди-фан-гуань произвел расследование о движении почты. Я счел необходимым послать ему укоризненное письмо и, приехав в Турфан, сказать лично, что я удивлен, что русский аксакал проявляет небрежность по отношению к Русским в то время, когда

китайцы полны предупредительности. Думаю, что Вы одобряете мое замечание аксакалу. Он меня понял и без переводчика – это было с глазу на глаз: мы оба говорим «мало-мало» по-персидски и можем объясняться. Дело его, вероятно, плохи, п<потому> ч<что> денег он по чеку достать не мог до сих пор, хотя Ильгамжанов и говорит, что это легко сделать и в Карашаре, действительно было легко. Из моей телеграммы Вы знаете, что мы пробудем не более трех недель здесь. Сделанным доволен, только рукописей мало, да и то клочки. У покойного ди-фан-гуаня оказались только китайские и клочки других, и цену заломили невероятную. Думаю, что при долгом пребывании кое-что все-таки найдется. Мы теперь переезжаем в Сенгим-акыз, а оттуда в Тойок-мазар. Приезжал я в Турфан из-за рукописей ди-фан-гуаня и напрасно.

Холода окончательно, по-видимому, выяснили нашу дальнейшую программу. Безклик показал, что при более низкой температуре ни одного чертежа и ни одной копки не сделать, уже и теперь рабочий день Самуила Мартыновича и Дмитрия Арсеньевича свелся до минимума. Из-за этих условий ехать им дальше было бы перевод времени и денег. Они поедут на Урумчи, и тут моя большая к Вам просьба: попросить аксакала подыскать тарантас и присмотреть в наем две тройки. Смущает меня вопрос, найдут ли они в Урумчи шины и дохи, без которых добраться до Омска очень трудно. Им, бедным, не хочется меня оставлять. Они воображают, что мне будет трудно и тоскливо быть так долго одному, без русских людей – рассчитываю остаться в Куче до половины февраля. Я их убедил, что зря сидеть им никакой пользы нет и что я совершенно не боюсь одиночества, имея такого толкового переводчика, буду вечерами учиться по-сартски. Большая моя просьбы к Вам и Марии Романовне – пригреть душевно моих бедных спутников: это не Владимир Иванович, и едут они по горькой необходимости, без всякой охоты, работали они прекрасно и сделали, могу сказать по совести, много. Когда появится наш отчет, Вы, я думаю, это признаете. Жду с нетерпением появления немецкого отчета, но, боюсь, что не уничтожить того дурного впечатления, которое я вынес от их работы, идя по их следам: это был грабительский налет Лекока и Бартуса, вполне несведущих людей, при которых был человек не от мира сего – Грюнведель – весь ушедший в фрески. Испортили, и безвозвратно, они немало, гораздо больше, чем сарты. Но об этом Вам расскажут мои спутники. Мое письмо и так очень длинно, а дел у Вас по горло. Крепко жму Вашу руку. Сердечный привет Марии Романовне и деткам.

Искренне преданный Вам

Сергей Ольденбург.

Турфан. 29. X. <1>909.

Аксакала, пожалуйста, не журите, довольно с него и моего разноса.

Извиняюсь за вид почты, привез бумагу и конверты в Турфан, мне их залили чаем, и нечем было заменить.

Письма посылаю с оказией – послезавтра едет купец и проедет, говорит, три дня.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 2–3об.)

№ 21

Ольденбург – Кроткову

31. X. I. XI. <1>909.

Караходжа, у Сенгим-агыза.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Глубоко Вы тронули меня присылкою газет – в этом сказалось Ваше всегдашнее сердечное отношение: газетами я лично, м<ожет> б<ыть> это стыдно признавать культурному человеку, мало интересуюсь, но мои спутники жадно прочли их от доски до доски. Я же благодарю от себя не за газеты, а за внимание, за то, что Вы подумали о нас, это дороже всяких газет. Пожалуйста, поблагодарите от нас всех доктора за его любезность.

Вас, вероятно, порадует известие, что в первой же посылке рукописей Ваших, которую Каменский переслал Радлову из Чугучака, Васлй Васильевич нашел очень интересный ксилограф, конец одной буддийской сутры, переведенной с *тибетского* на *уйгурский*. Он уже подготавливает ее к печати.

Мне переслали два письма Козлова из Монголии. В одном из них он пишет о необыкновенной удаче в Харахото. Они нашли целый субурган, вскрыли его, и у них оказалось до 1000 (!) томов книг, не считая листов и листов отдельных, до 100 писанных образов и 10 металлических бурханов³³, почти все отличной сохранности. Козлов прибавляет, что, «как любят выражаться английские археологи», они везут это богатство в 14 ящиках. Ужасно рад его успеху.

Руднев пишет мне, что Рамстед на Орхоне нашел большой уйгурский каменописный памятник в 50000 знаков. Он же пишет, что из Монголии вести грустные, китайская колонизация идет страшно быстро, число проходящих через Ургу китайцев очень значительное.

Я, может быть, после отъезда своих спутников останусь еще здесь

³³ Бурхан – в монгольском буддизме изображение, как правило, скульптурное, Будды, бодхисатвы или иного персонажа буддийской традиции. Само слово «бурхан» восходит в конечном итоге к санскритскому buddha. В тюркские языки слово burqan-burhan попало из китайского (Баскаков 1987: 70).

недели на полторы – раскопать найденные в одном монастыре остатки скульптурной паринирвана-будды. Не понимаю, почему немцы ее не раскопали. Она важна для сравнения с композицией Шикшинской группы. Безеклик (Муртук) на меня произвел другое впечатление, чем на Грюнведеля: почти все уже упадочное искусство, бедность композиции. Впрочем, может быть, виною этому то, что я не немец и восторгаюсь туго. Через дня три перебираемся в Туюк-мазар, где, по словам ездившего туда Дм<итрия> Арс<еньевича> много любопытного. Увы, там плохо доступны многие пещеры, а некоторые и совсем недоступны.

Плохо, что у Вас неприятности, у нас это, видно, удел всякого действительно деятельного человека. Хочу верить, что это будет кратковременно. Сердечный привет Марии Романовне и детям. Спутники мои усердно кланяются Вам и Вашим. Последняя почта дошла в 8 дней, это удивительно приятно; очевидно тут опять Ваша рука. Получили ли Вы индийские сказки Коржинской с моим предисловием и Свет Азии, тоже с моим предисловием?³⁴ Мне пишут, что их послали Вам.

Крепко жму руку,
Искренно преданный Вам
Сергей Ольденбург.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 13–13об.)

№ 22

Кротков – Ольденбургу

4 ноября <19>09 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Я только что освободился от хлопот, связанных с отправкою в Россию родственника Ильхамджанова Адиль-бабы, который, как Вам уже известно, в припадке умопомешательства убил одного китайца и тяжело поранил другого, только что успешно закончил переговоры со здешними властями об уплате чугучакским торговцам порядочного количества серебра за сданные ими в ямынь чугучакского Дифаньгуаня пять лет тому назад (подумайте, наше Консульство в Тарбагатае до сих пор не могло добиться по этому вопросу благоприятных результатов) те-цзы, лопнувших тогда в Чугучаке тянь цзинских фирм – и вот уже у меня на руках новое дело. И при том дело весьма деликатного свойства: кульджинское общество рус<ских> под<данных> торговцев обратилось ко мне через своего старшего аксакала Нур-ахука с просьбой защитить их от насилий и притеснений местных китайских властей. Оказывается, китайские чиновники в Илийском крае за последние годы крайне обнаглели; кульджинский уездный начальник, не задумываясь подвергает

³⁴ См. письмо № 19.

телесным наказаниям в своем ямыне рус<ских> под<данных> таранчей и сартов; жалобы наших торговцев на разных лиц китайского подданства оставляет без внимания и к удовлетворению законных требований русских подданных решительно никаких мер не принимает; видя отношение властей, местное население также начинает держать себя дерзко и вызывающе; это пугает наших купцов, заставляет их сокращать свои операции и таким образом невыгодно отражается на русской торговле; протесты, заявляемые Консулом Федоровым Кульджинскому Даотаю, обычно ни к чему не ведут. С просьбой о помощи кульджинцы обратились ко мне помимо непосредственного и ближайшего своего начальника Генерального Консула С.А.Федорова³⁵. В силу этого официальным защит<ни>ком их я не могу выступать. Придется отстаивать русских подданных в Кульдже частным образом. А это значит, что надо действовать весьма осторожно: иначе можно и кульджинцам повредить. Да и себе создать множество неприятностей.

Странное положение мое! В районы ведения Кашгарского Консульства китайский чиновник оскорбляет нашего аксакала в Кучэ – Посланник мне поручает требовать удовлетворения за это; возникают в Тарбагатае недоразумения с китайцами из-за торговли рус<ских> под<данных> чаем – г<осподин> Коростовец³⁶ на донесение об этом Управляющего Консульством в Чугучаке вместо инструкций предлагает г. Лучичу³⁷ обратиться за советом в этом деле ко мне, как к лицу по данному вопросу вполне компетентному; дела, безрезультатно тянувшиеся в других Консульствах, по желанию заинтересованных лиц передаются для дальнейшего ведения мне; начинают притеснять русских подданных в Кульдже – кульджинское торговое общество наше спешит обратиться с просьбой о защите его ко мне. Не столько вследствие каких-либо личных моих качеств, сколько вследствие нахождения в городе, где сосредоточены главнейшие власти Синьцзяна, здешнее Консульство выдвигается на первый план, приобретает особое значение. С работой своей здешнее Консульство справляется довольно успешно, отношения с китайскими властями хорошие; русская торговля никаким стеснениям не подвер-

---

³⁵ Федоров Сергей Александрович – Генеральный консул в Кульдже в 1904–1911 гг. Автор труда по военной статистике (Федоров 1903).

³⁶ Коростовец Иван Яковлевич (1862–1933) – российский востоковед — монголовед, синолог, японист, дипломат, член Русского Комитета; с 9 мая 1908 по декабрь 1911 гг. – чрезвычайный и полномочный министр в Пекине. О вкладе Коростовца в реализацию внешнеполитических интересов России на Дальнем Востоке и в Центральной Азии см. в частности главу «И.Я.Коростовец в Монголии» в: Нольде 1930.

³⁷ Лучич Корнелий Васильевич – управляющий Российским консульством в Чугучаке.

гается. Но облегчают ли мне чем-нибудь мою работу Министерство Иностранных Дел и Миссия в Пекине? Нет, нисколько. В то время как китайские власти давно уже выражают желание, чтобы в Урумчи было Русское Генеральное Консульство, для нашего Foreign Office³⁸ Урумчи все еще только трущоба, медвежий угол, не заслуживающий большого внимания. Принимая на себя при таких условиях дела, не удавшиеся или не удающиеся другим Консулам, я постоянно должен думать, как бы в ущерб себе и делу не задеть самолюбие того или другого из своих коллег. Похоже на то, что я работаю в комнате с очень низким потолком. Работаю и должен помнить при этом, что, если я в пылу работы встану, поднимусь во весь рост, то непременно сильно расшибу себе голову. Такое положение мне надоело, я решил положить ему конец. Как только выберется время о пользе учреждения в Урумчи Генерального Консульства или назначения сюда хотя бы личного Генерального Консула, представлю краткое донесение миссии в Пекине и затем, не желая быть заподозренным в рекламировании себя самого, буду просить о переводе меня в другое место или же об отчислении в распоряжение М<инистерства> И<ностранных> Д<ел>.

Однако, довольно. Мои иеремиады³⁹ затянулись и, наверное, наскучили Вам.

Итак, Вы один поедете в Кучэ, а спутники Ваши через Урумчи вернутся в Россию. Холода ли одни тому причиной? Постараюсь, конечно, как могу, облегчить Самуилу Маргтыновичу и Дмитрию Ареньевичу обратный путь. Должен, однако, сказать, что переезд зимою из Урумчи в Чугучак – вещь крайне неприятная.

Сапоги казакам готовы. Пересылать ли их в Турфан?

В Заключение позволю себе беспокоить Вас одной просьбой: не найдете ли Вы возможным, глубокоуважаемый Сергей Федорович, распорядиться, чтобы мне были высланы «Известия» Русского Комитета за прошлый и нынешний года. Я слышал, что в этих «Известиях» помещены предварительные отчеты Муромского о поездке его к сибирскому Илийскому краю⁴⁰ и выдержка из письма Долбежева Котвичу⁴¹ относительно Бишбалыка⁴². Хотел бы со всем этим ознакомиться.

---

³⁸ Министерство иностранных дел (*англ.*).

³⁹ От имени пророка Иереми – плачевная, то есть иеремическая речь.

⁴⁰ См.: Муромский 1909: 30–34.

⁴¹ Котвич Владислав Людвигович (1872–1944) – русский, польский востоковед-лингвист, специалист в области монголистики; член-корреспондент РАН (с 1923 г.), председатель Польского востоковедного общества (1922–1936). Участвовал в экспедициях в Калмыкию (1894, 1896, 1910, 1917) и в Северную Монголию (1912).

⁴² См.: Долбежев 1909: 66–70.

В одном китайском сочинении я наткнулся недавно на краткие заметки о некоторых городах Синцзяна: о Турфане, Хами, Кучэ, Кашгаре и проч. В заметке о Турфане говорится о том, как этот город (вернее, весь Турфанский оазис) назывался при различных китайских династиях, кто им владел в то или другое время, перечисляются 29 владений Хуй-чу. Я полагаю, что заметка эта представит известный интерес для Вас, и я постараюсь возможно скорее перевести ее для Вас.

Простите за длинное письмо. Прошу принять от Марии Романовны, меня и детей сердечный привет и пожелание всего лучшего.

Искренне преданный и уважающий Вас

Н.Кротков.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 21–22об.)

№ 23

Ольденбург – Кроткову

[середина ноября 1909 г.]⁴³

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Это, верно, предпоследнее письмо мое из Турфана. Завтра едут мои спутники и повезут это письмо. Подводя итоги работы в Карашарском и Турфанском округах для краткого отчета Комитета, вижу, что мы вправе сказать, что вели свое дело добросовестно и что есть известные результаты для науки. Только что пришла почта и принесла Ваше письмо. Глубоко понимаю те чувства, которые волнуют Вас. Думаю, что одна из главных наших бед та, что при выборе людей служебных перемен и т.д. главную роль играет не достоинство человека, а продолжительность службы. Если бы могли решаться на назначение, как это делалось (даже у нас) в доброе старое время 28 мирных людей генералами, если у них соответствующие способности, то, думаю, многое пошло бы иначе. К Коростовцу я присмотрелся, у него много положительных черт, но в посланники, да еще на такой трудный теперь пост, он не годится. Конечно, живя в таком китайском захолустье, да еще недолго, я не могу вполне полагаться на свои непосредственные впечатления, но все же несомненно ясно сколько важного дела можно здесь сделать представителю России, если ему не связывать руки. Твердо верю в Вашу энергию, только бы Вы отказались от мысли числиться; ни за что Вам этого нельзя делать. Ваше место здесь, а то нашими представителями будут Бобровниковы, Долбежевы, Коханов-

---

⁴³ Дата устанавливается по контексту письма: Ольденбург говорит, что после отправки письма до начала декабря пройдет около 20 дней, то есть письмо должно было быть отправлено в середине ноября.

ские, м<ожет> б<ыть> и прекрасные люди сами по себе, но не представители великой державы на Востоке.

Спешу рассеять одно Ваше сомнение – *только* холод причина отъезда моих спутников; они с такой любовью и добросовестностью относились к своему делу, что дай Бог всякому так работать; если бы могли продолжать как следует работу, то остались бы, хотя и скучали по семьям. Повторяю с полным убеждением. Это не неврастеники Владимиры Ивановичи, а люди, легко понимающие значение принятых на себя обязательств; сошлюсь на цифры: у Смирнова 75 листов эскизов-планов и 5 листов планов инструментальной съемки, у Дудина 770 негативов 18 × 24, не считая нескольких *сотен* полископных снимков, и из 770 только 3 дюжины не проявлены. Думаю, что цифры красноречивы. Раз речь идет о photographиях, позвольте воспользоваться Вашим любезным обещанием и просить еще экземпляр тех карточек, что Вы мне прислали; знаю, что и спутники мои очень хотели бы их иметь, и им только было совестно просить Вас, зная, как Вы заняты.

Ваше желание иметь Известия Комитета сообщаю Дудину и прошу его распорядиться, чтобы они были Вам скорее посланы. Буду просить Вас позволить Романову⁴⁴ сопровождать моих спутников до Чугучака. Романовым не могу нахвалиться.: удивительно толковый, добросовестный и исполнительный человек. Не могу сказать того же про Силантьева – он ленив и дурного характера. Эти мои сообщения о казаках частного свойства и только для Вас. Хочу также сказать Вам, как мы их вознаграждаем: жалование по 15 р<ублей> в месяц, причем я округляю, конечно, последний месяц, затем они получили в собственность по полушубку (романовскому. Стоимостью 45 р<ублей>), ватному одеялу, материи на 3 пары белья, на рубашку и штаны, кроме того сапоги, которые им везут в Урумчи. Затем они получают на прощание подарки: Силантьев 15 рублей, Романов 30 р<ублей> + то, что ему даст Самуил Мартынович при прощании. Полагаю, что мы их не обидели.

Я даю Самуилу Мартыновичу банковский чек на Чугучак, чтобы он мог справиться с вопросом о пересылке ящиков транспортом. Я и не рассчитывал, чтобы большие ящики могли идти почтою. Если Вам удобно, что Сам<уил> Март<ынович> в Чугучаке переведет на Ваш текущий счет в банке сумму, соответствующую сделанным Вами уже расходам, и тому, что будут стоить арбы 12 ящиков + арбы еще

---

⁴⁴ Имеется в виду казак Захар Романов, сопровождавший обе экспедиции С.Ф.Ольденбурга. Чтение «Гомонов» в документах II РТЭ (Попова 2008а: 165, 167), вероятно, ошибочно.

13 ящиков, которые я вышлю из Турфана дней через 10 и которые, значит, придут в Урумчи дней через 20, т.е. в начале декабря. Если же Вам это неудобно, я могу телеграфировать в Чугучак. Чтобы Вам немедленно переслали деньги в Урумчи. Насчет небольших Пудовых ящиков с негативами, которые привезет Дудин, я бы очень просил, если возможно, чтобы они пришли пораньше и чтобы Дудин до моего возвращения успел и отпечатать. Боюсь, что страшно обременяю Вас, но знаю, что Вы любите науку и готовы все для нее сделать, наше дело все-таки научное.

Пора кончать это длинное письмо. Когда у Вас будет время, взгляните с Марией Романовной в Предисловия к Коржинской⁴⁵ и Свету Азии, они для взрослых. Поблагодарите девочек за их милые письма, они очень меня тронули – славные Ваши девочки, дай им Бог много светлого и хорошего в жизни; вырастают они в настоящей семье, а это лучшая подготовка к жизни. Сердечный привет Марии Романовне.

Крепко жму Вашу руку

Искренне преданный и уважающий Вас

Сергей Ольденбург.

Все почты получены, теперь почта из Урумчи идет сюда не более 10 дней, почту 4^{то} получили 14^{то}. Почту 10^{то} получу здесь. Перед отъездом пошлю Вам телеграмму. Еще раз сердечный привет!

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 4–5об.)

№ 24

Кротков – Ольденбургу

Текст письма написан на визитной карточке:

«Николай Николаевич Кротков

Императорский Российский Консул Г<ород> Урумчи (Китай)»:

Шлю Вам, глубокоуважаемый Сергей Федорович, еще одну почту в Турфан, хотя и не уверен, что она застанет Вас или, по крайней мере, Ваших спутников в Турфане. Как Ваше здоровье? Как работаете? О себе напишу подробнее <в> следующий раз. Шлю сердечный привет и поклон.

Преданный Вам *Н.Кротков.*

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 23–23об.)

№ 25

Ольденбург – Кроткову

Турфан. 30. XI. <1>909.

На Вашу заботливую телеграмму, глубоко меня тронувшую, отве-

⁴⁵ См.: Коржинская 1903.

тил телеграммой. Думаю, что тут какое-то недоразумение: работы и существенной работы здесь очень много и, по-моему, работать можно и зимою. Тут совершенно понятная разница между моими спутниками и мной: они взялись делать известную работу: один фотографию, другой съемку, до известной степени заинтересовались предметом, как люди культурные и очень добросовестные, но их интересы лежат у одного в живописи, у другого в горном деле. Для них эта экспедиция эпизод, не вяжущийся с их общей работой, оттого для них жизнь здесь зимой и представлялась очень трудной. Прибавлю и тот, и другой, по физическим свойствам, очень страдают даже от малого холода. Затем, их работа возможна только днем, до 4 часов, куда девать остальную длинную часть дня? Узнавать ближе страну для них неважно, это не вяжется с их работой, спать все время невозможно. Я предлагал им изучать язык, они со своей точки зрения правильно ответили: «Зачем?». Мое положение иное: я восточник, для меня здесь все важно и интересно, и старое, и новое, у меня всегда время чем-нибудь да занято. От холода я не страдаю. Фотографировать умею и справляюсь прилично с этой работой, эскизы с промерами могу делать, не знаю только съемки. Зачем при этих условиях мне ехать назад? Не забудьте еще, что на мне лежит определение дальнейшего течения работы в Китайском Туркестане, участие русских ученых в этом деле. Это стороны для моих спутников нет. Чтобы быть хозяином этого дела, я должен видеть Кучар, определить, что можно там сделать, и я не думаю, как Самуил Мартынович, что это можно сделать за глаза. И здесь за эти две недели я снял Тайзан в Астане, был в Сыркитепе и в Лемджинском ущелье, снимал там и кое-что записал, кончил снаряжение каравана в Урумчи, который благодаря любезности ди-фан-гуаня поедет с желтым казенным флагом и с солдатом, приобрел еще рукописи (больше короткие) и монеты, сделал ряд записей о современной жизни Турфана. Рассчитываю так же продолжать. Разве для этого не стоит остаться, когда я еще могу пробыть три месяца? Думаю, что я прав, не следуя Вашему дружескому совету. Прибавлю, что есть и еще одна существенная разница между моими спутниками и мною, чисто психологическая. Дмитрий Арсеньевич в ней признается, Самуил Мартынович почему-то нет, считая это неправильно слабостью: они страшно стосковались по своим, непривычные к разлуке. После последних писем жены, видно тоже тоскующей, Самуил Мартынович был очень мрачен и видно было, что каждый день оставаться здесь дается ему с трудом. Ясно, что и тому, и другому, по их характеру, нельзя уезжать надолго. Это познается только опытом. Нет в этом никакой слабости, у одних один характер, у других другой.

От психологической части перехожу к деловой. Самуил Марты-

нович обещал подробно переговорить с Вами о пересылке ящиков, т<ак> ч<то> теперь сообщаю, что с четырьмя арбами едет 18 ящиков. Арбам все уплачено вперед.

Здесь оставляю аксакалу 100 лан на возможные покупки рукописей и древностей, которые прошу его пересылать Вам. Между прочим, *разыскиваю одну любопытную печать, которая у астининского дарогí и которую он найти не может, имею с нее хороший оттиск на бумаге, как он говорит, есть калмыкские, т.е., по-видимому, уйгурские рукописи и два сосуда из Идикутишари. Я ему сказал явиться к Вам от моего имени и показать.* Не желаете ли Вы, чтобы я перевел на Ваше имя некоторую сумму на покупки вещей? Я убежден, что при постепенном и систематическом слежении за появляющимися здесь вещами можно еще добыть немало любопытного. *Опасны здесь два человека:* мелкий русско-сартский купец Абдул-кадыр, скупщик и, возможно, большой мошенник, набивающий цены, и Джиса в Астане. Со мною он был очень любезен и предупредителен, и я не могу нахвалиться его услужливостью (это брат дарогí), но я убежден, что он тайком отговаривает жителей продавать путешественникам и добывает вещи для китайского начальства. Новый ди-фан-гуань собирает тоже. Вещи старого ди-фан-гуаня я видел, это много коротких рукописей и несколько головок, его сын почему-то не хочет продавать, м<ожет> б<ыть>, однако, аксакал и устроит. Жду с нетерпением печатного отчета немцев, который пока, увы, мне кажется более грабительским, чем научным. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, отчет и покажет другое. Сейчас очень важны и нужны планы (съемкою инструментальной) двух городов: на Яре и Караходже (Идикут-шари). В этих городах, особенно во втором, здания разламывают на удобрения полей. Неверна, по-моему, легенда о том, что сарты портят статуи и фрески; по-моему, они этого не делают. В Турфане, как и следовало ожидать, очень сильно было китайское влияние, но силен и уйгурский элемент, незначителен индийский. О манихейском ничего не решаюсь сказать, то, что мы видели, ничтожно, относительно манихейцев главное, явно, собрано немцами, хотя при раскопках может еще найтись. Кончаю свое длинное письмо. Усердно собираюсь в путь, иншаллá выеду завтра, 2 дня пробуду в Курле, 15–16 рассчитываю быть в Ку-чаре, оттуда напишу. Сердечный привет Марии Романовне и деткам. Крепко жму руку.

Искренно преданный Вам

Сергей Ольденбург.

Хочу прибавить, что не могу теперь нахвалиться любезностью и услужливостью аксакала. Удивительно также услужливы китайские власти – ди фан гуань.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 11–11об., 14–14об.)

№ 26

Кротков – Ольденбургу

30 ноября <19>09 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Дудин и Смирнов уехали отсюда в среду 25-го ноября. Помогал им собираться, как и чем только мог. Не в осуждение им будь сказано, я думал, что оба они, особенно же Самуил Мартынович, более порядительные и практичные люди. Сначала они решили ехать в Чугучак, с теми сартами, которые привезли их сюда из Турфана. Однако денежные расчеты их с этими возчиками относительно предстоявшей поездки оказались настолько сложными и неудобными для обеих сторон, что я счел своим долгом вмешаться и посоветовать устроиться иначе. После этого дело пошло на лад. Нашлись другие возчики более опытные, знающие дорогу и с хорошими лошадьми.

По моему совету Дудин и Смирнов захватили с собою в дорогу небольшую железную печку, которая очень и очень им пригодится на пути от Чурумчи до Чугучака в холодных и угарных китайских дьянях. Проезд отсюда в Чугучак зимою вообще очень неприятен и сопряжен с большими неудобствами. Как то перенесут его наши художник и инженер! Они поехали на двух телегах за отсутствием здесь тарантасов. Над одной телегой устроили верх и обшили его кошмой. Получился очень удобный, защищающий от ветров экипаж. Дох здесь не нашлось. Тем не менее, теплого платья у Смирнова и Дудина имеется в достаточном количестве.

Так как сотрудники Ваши по экспедиции выразили непреклонное желание ехать днем и ночью, чтобы добраться до Чугучака суток в 10–12, то от мысли отправить с ними Романова или вообще кого-нибудь из казаков пришлось отказаться: казака без лошади нельзя отправить по уставу, а конный казак при езде днем и ночью служил бы только непрерывной помехой и задержкой.

Из-за Романова и Силантьева мне пришлось иметь пренеприятное объяснение с Командиром конвоя Подъесаулом Путинцевым. Последний забраковал лошадей, на которых приехали названные казаки из Турфана и категорически отказался зачислить их <в> число конвойных лошадей. Теперь Командир настаивает на том, чтобы ему было выдано для представления в полк от экспедиции удостоверение в действительно бывшей необходимости приобрести для казаков новых ло-

шадей, а также на том, чтобы за каждую лошадь казачью экспедиция уплатила по 75 руб<лей>. Не откажите, пожалуйста, высокоуважаемый Сергей Федорович, выслать мне для передачи Подьесаулу Путинцеву удостоверение, что лошади сопровождавших экспедицию казаков во время переездов от Урумчи в Кашгар и от Кашгара в Турфан пришли в такое состояние, что их в силу необходимости пришлось заменить другими лошадьми, какие оказались на месте. Что же касается платы за лошадей, то, если она Вам кажется высокой, сообщите мне об этом. Я начну тогда по этому поводу переписку с полком.

Одну из забракованных Командиром лошадей продали здесь, дру- гую Смирнов и Дудин взяли с собой в дорогу.

Как Вы поживаете? Благополучно ли доехали в Кучэ? Не нужно ли Вам чего-нибудь? Каков результат Ваших последних раскопок в Турфане?

О себе и о положении дел здесь напишу подробно в другом пись- ме. Сердечный привет от меня и всей семьи моей!

Искренне преданный Вам *Н. Кротков*.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 24–25об.)

№ 27

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич,

Пользуюсь остановкой в Курле, чтобы черкнуть Вам и сыну. Еду отлично, если не считать дыма и грязи джней, вынудивших меня но- чевать два раза на арбе, где было тепло и хорошо. Мороз ночью не выше -10°– -15°, днем солнце и тепло, много льда и инея и ни одной пушинки снега. Всюду меня принимают отлично, полны забот и вни- мания. Здесь даже военный чиновничек прикомандировал двух сол- дат охранять ворота аксакальского дома, где я остановился на два дня. Узнаю много нового и интересного, т<ак> к<ак> считаю, что и в дороге не теряю времени, у меня уже довольно много материала по быту алтышарцев. Знаю, как Вы заняты, но напомним о вашем любез- ном обещании сделать некоторые выписки из одного китайского ис- точника. Спешу Вам сообщить о ходе дела, начатого Вами, которое по необходимости, во избежание потери драгоценного времени, про- должая я самозванно, полагаю, что Вы меня только одобрите. Дело касается Чархалыкских рукописей, о которых Вам писал аксакал, ему прислали только что несколько клочков и, увы, частью почти поро- шок рукописей. Тут повторяется то же, что я видел в Турфане, где туземцы, оставляя рукописи у себя, небрежно завернутыми, крошат их до полной негодности, воображая, что и труха из букв ценна! Ру- кописи санскритские и старые, индийские; если в ящике действитель-

но довольно много целых листов, то это ценная для науки находка. Владелец, боясь китайцев, говорит теперь, что у него ничего нет, но, по-видимому, что-то есть. Говорю так осторожно, т<ак> к<ак> вместе с санскритскими клочками присланы и почти негодные тибетские заклиательные молитвы, не старые. Аксакал едет к брату в Чархалык, и я даю деньги на покупку, он из Чархалыка едет в Кучар, где я узнаю судьбу рукописей. Я ему объяснил, что действую вместе с Вами. Вас я считаю владельцем этих рукописей (буде они найдутся!), и, если Вы не одобрите моей покупки их для экспедиции, я Вам их доставлю куда и как хотите. Для меня важно их уложить так самому, чтобы они не превратились в труху, и спасти их для науки, что им грозит в руках туземцев. Впрочем, это все похоже на шкуру неубитого медведя, я так привык здесь <к> разочарованиям в вопросе о рукописях, что не предаюсь мечтам, хотя клочки и соблазнительные. Они у меня тщательно упакованные. До Кучара! Сердечный привет Марии Романовне и деткам! Крепко жму Вашу руку.

Искренно преданный Вам

Сергей Ольденбург.

Курла.

12. XII. <1>909.

Правда ли, что пошрины отсрочены на два года?

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 10–10об.)

№ 28

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

В вопросе о поездке Вашей в Кучэ без Дудина и Смирнова я, очевидно, стою на совершенно иной точке зрения, чем Вы. Я рассуждаю так: для исследования в археологическом отношении Китайского Туркестана нашей Академией наук давно следовало отправить экспедицию, поставив во главе ее такого ученого, как С.Ф.Ольденбург; теперь, слава Богу, такая экспедиция снаряжена и уже усердно работает; характер деятельности этой экспедиции разведочный, и от добытых ею результатов будет зависеть направление и план последующих работ; ввиду этого в высшей степени важно, чтобы С.Ф.Ольденбург в этот раз возможно полнее ознакомился с театром своих будущих детальных исследований; необходимо, чтобы в достижении означенной цели он не задерживался разными мелкими работами, неизбежно соединенными с каждой экспедицией; необходимо, следовательно, чтобы около С.Ф.Ольденбурга находились люди, которые помимо фотографирования и съемки заведовали бы упаковкой и отправлением собранных экспедицией материалов, укладкой и раскладкой вещей при

передвижениях экспедиции с места на место, расчетами с возчиками и нанятыми для сопровождения экспедиции людьми, закупкой провизии, сбором второстепенных сведений и тому подобным. Как видите, глубокоуважаемый Сергей Федорович, я вовсе не против поездки Вашей в Кучэ, я лишь против поездки Вашей туда в единственном числе. Дальнейшие исследования Русского Комитета в Китайском Туркестане могут дать чрезвычайно важные для науки результаты; но экспедиции, которые должны следовать за настоящей, по глубокому моему убеждению, немислимы без Вашего в них участия⁴⁶. Поэтому Вам, мне кажется, необходимо, с одной стороны, в целях правильной постановки дальнейших работ, возможно менее отвлекаться посторонними и мелкими заботами от главной Вашей теперешней задачи, а с другой – сберегать Ваши силы и здоровье для руководства последующими экспедициями. Впрочем, что же я говорю? Дело сделано – Вы в Кучэ. Вследствие этого вместо длинных и скучных рассуждений позвольте мне пожелать Вам от всей души успеха и благополучного возвращения. Вы, я думаю, не сомневаетесь, что и телеграмма моя⁴⁷, и эти разглагольствования вызваны одним и тем же: глубоким интересом к делу, начатому Русским Комитетом, и искреннейшей заботой о Вас самих. Добавлю только, что, по моему мнению, Смирнов и Дудин не должны были покидать Вас; при желании помогать Вам у них должна была найтись работа. Если же они так соскучились по своим женам, что не могли остаться еще на 2–3 месяца, то, простите, что же это за путешественники?

В письме своем от 30 ноября Вы пишете, что оставили турфанскому аксакалу 100 лан на покупку рукописей и древностей. Позвольте Вам попенять за это, глубокоуважаемый Сергей Федорович! Незадолго до того я также послал аксакалу Ахрархану от себя 100 лан. Теперь не будет никакой возможности разобрать, что он приобрел для Вас и что для меня⁴⁸. В том же письме Вы спрашиваете меня, не же-

---

⁴⁶ Единственная последовавшая экспедиция Русского Комитета в Восточном Туркестане – II РТЭ 1914–1915 гг. – работала при непосредственном участии и под руководством С.Ф.Ольденбурга.

⁴⁷ В фонде С.Ф.Ольденбурга не сохранилась.

⁴⁸ Еще в письме к С.Ф.Ольденбургу от 25 апреля (8 мая) 1907 г. из Чугучака А.Грюнведель сообщал о тесном сотрудничестве Н.Н.Кроткова с Ахрарханом в деле приобретения древностей: «...я имею приятную возможность сообщить Вам следующее. Российский Императорский консул в Урумчи господин Кротков владеет небольшой, но в высшей степени заслуживающей внимания коллекцией древностей и рукописей из Яр-хото, Идикутшахи и Тоёкмазара, которую господин Кротков приобрел при посредничестве нынешнего российского аксакала в Турфане А'га-чан (Ахрор-хан). Я внимательно осмотрел коллекцию – при помощи господина Бартуса – и могу в точности

лаю ли я, чтобы Вы перевели мне некоторую сумму денег на покупку интересных в научном отношении вещей. На это откровенно отвечу Вам следующее: На разыскивание и приобретение старых рукописей и разного рода древностей требуется немало денег; некоторые расходы оказываются совершенно непроизводительными, так как из местных жителей, к услугам которых обращаешься, за одними деньгами совершенно пропадают, другие представляют явно недобросовестные счета, третьи, не посоветовавшись со мною, начинают сами делать раскопки и ничего не находят, четвертые посылаю куда негодные или слишком малоценные вещи. Но я рискую лишь своими деньгами и отвечаю за это только перед самим собой. Когда же я буду приобретать древности для Академии Наук на полученные от Вас деньги, то картина изменится: я буду дрожать над чужой копеечкой, я должен буду представлять отчет в произведенных расходах; если приобретенная вещь окажется маловажной, то как то будет неприятно сознавать! Теперь у меня есть надежда, что одна-две удачных покупки вернут мне бесплодно сделанные затраты; тогда же и к этой надежде я буду относиться весьма скептически. Да и в качестве кого и чего я стал бы усердно и систематически работать для Академии? Наши ученые общества не очень-то заботливо относятся ко мне, и это отбивает охоту для них что-нибудь делать. Географическое Общество, например, преисправным образом высылает свои «Известия» доктору Строчковскому, но со мной поступает бесцеремонно – одну книжку вышлет, а две – нет. Восточное Отделение Археологического Общества не сочло нужным ответить на два моих письма; не поблагодарило даже за посланный ему мной отпечаток с найденного в Муртуке камня. Я вполне убежден в том, что В.В.Радлов, подготавливая к печати рукописи, которые я преподнес в дар Академии, и не подумает один экземпляр отпечатанного прислать мне. Такое отношение не особенно радует.

Приятных новостей за последнее время вообще не имею. Вот Вы

указать, откуда происходит собрание. Прежде всего, все головы, некоторые частично раскрашенные, происходят из Яр-хото. Находки из Яр-хото – большая редкость, так что я могу Вам только порекомендовать приобрести эти головы. Рукописи происходят по большей части из Идикутшахи («Город Дакиана») и из Тоёк-мазара. Большинство из них составляют уйгурские документы, хорошей и плохой сохранности, много фрагментов. Примечательна одна довольно хорошо сохранившаяся книга уйгурский буддийский текст и листы из печатной дхарани уйгурскими буквами и транскрипцией брахми. К моему удивлению среди них имеется и довольно большой кусок манихейского текста и пара фрагментов от него. Кроме того, есть несколько санскритских фрагментов центральноазиатским брахми» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 179. Л. 31–32об.; публикацию см.: Бухарин 2014: 386–387; публикацию писем в оригинале см.: Bukharin 2014).

говорите, что у нас при служебных переменях главную роль играет продолжительность службы. Это не совсем так. Кашгарский Консул Колоколов⁴⁹, всего на год старше меня по службе, переведен Генеральным (лично) Консулом в Фу-чжоу; Поппе, который одного выпуска со мною, назначен Генеральным Консулом в Харбине. Личного Генерального Министерство раздает довольно щедро, г<осподин> Федоров⁵⁰ ухитрился добиться этого титула даже тогда, когда в Министерстве были им недовольны; но стать во главе Генерального Кон<сульст>ва очень трудно. Все зависит от знакомств и от того, чтобы быть на виду у высшего начальства. Урумчи не интересуется Министерство. А потому, хотя бы и было очевидно, что для пользы дела необходимо иметь здесь Генерального Консула (допустим, даже только личного), само, без напоминаний, ни за что этого не сделает. Веских же знакомств у меня в Министерстве нет. Да и неприятно было бы просить об этом... Самое лучшее, что я и намерен сделать, это на некоторое время отойти в сторону, предоставив место другому, более ловкому человеку, могущему достигнуть того, что так необходимо для поддержания внешнего престижа здешнего Консула и для дальнейшего развития его деятельности.

Радуют меня только успехи в делах с китайцами. В то время, как из Кашгара, Кульджи и Чугучака несутся жалобы на стеснения наших торговцев и мелочную придирчивость китайских чиновников, я, слава Богу, могу отметить лишь чрезвычайную предупредительность и особое внимание ко мне со стороны местных властей. В деле об убийстве ташкент<ским> сартом Адиль-бабою китайца Вэй-дунь-цзю никаких препирательств с китайцами у меня не было. Даотай Жун прямо заявил, что в этом деле он всецело полагается на меня и заранее согласен с моим решением. Я постановил отправить Адиль-бабу для определения состояния его умственных способностей и суда в русские пределы и выдать семье убитого денежное пособие. Опять-таки китайцы не стали торговаться и установить размеры пособия предоставили мне. Наши толстосумы-торговцы хотели было отделаться ничтожной суммой, но я убедил их, что для них же будет выгодно, если дело окончится так, что китайские власти будут благодарить и их, и Кон<сульст>во. При лично свидании с Даотаем я сказал ему, что семье убитого мною

---

⁴⁹ Имеется в виду Сергей Александрович Колоколов (1868–1921) – дипломат, на службе в МИД с 1895 г., драгоман консульства в Кульдже (1895), секретарь консульства в Кашгаре (1895), консул в Кашгаре (1904–1909), Мукдене (1910); после 1917 г. – в эмиграции в Китае. Колоколов за время службы в Кашгаре внес значительный вклад в собирании коллекции санскритских текстов из Восточного Туркестана. В Архиве востоковедов сохранилась переписка Колоколова с Ольденбургом (Ф. 208. Оп. 2. Д. 725).

⁵⁰ Имеется в виду консул в Кульдже С.А.Федоров (см. выше).

постановлено выдать 650 лан серебра (европейцы в аналогичных случаях потребовали бы с китайского правительства гораздо больше). Т.Мун в прочувствованных словах горячо благодарил меня. «Человек может покорить другого человека», – сказал он, – «не только силою оружия и силою богатства, но и силою справедливости своей и доброты. И в последнем случае победа будет наиболее полная, завоевание – наиболее прочное. Также и в жизни народов!» Слова знаменательные! Теперь дело Адиль-бабы считается оконченным. О справедливом отношении Кон<сульст>ва в этом инциденте и о сострадании русских купцов к семье убитого китайца местные власти постановили расклевить по городу особые объявления.

Теперь я прилагаю усилия к тому, чтобы поощрять наше торговое движение во Внутренний Китай и укреплять положение рус<ских> под<данных> купцов в Су-чжоу, Лань-чжоу и др<угих> городах провинции Гань-су. Новый Генерал-Губернатор провинций Шань-си, Гань-су и Синь-цзянь – мой старый знакомый. Стараюсь не прерывать с ним сношений. Кроме того, нашел полезным применить для означенной выше цели следующий прием. В провинции Гань-су в этом году вследствие неурожая хлебов свирепствует голод. В помощь населению Китайский Император пожертвовал от себя значительную сумму денег; из всех провинций имеются также пожертвования. Несмотря на то, по слухам, население терпит сильную нужду. Из европейцев, кажется, никто не пошевелил пальцем. После продолжительной беседы с урумчийскими фактористами я предложил открыть в фактории подписку в пользу голодающего населения провин<ции> Гань-су. обстоятельные разъяснения мои подействовали на торговцев – они поняли свою выгоду, и подписка в короткое время дала 200 лан серебра. Эту сумму я отправил Даотаю Жуну с просьбою [(с просьбою)] отослать деньги Генерал-Губернатору Чану для выдачи от имени Урумчийского Кон<сульст>ва и проживающий в Урумчи рус<ских> под<данных> торговцев беднейшим жителям провин<ции> Гань-су. В препроводительной бумаге я, между прочим, говорю так: «Великое Дайцинское Государство более 200 лет находится в дружбе с Российской Империей. За это время не раз случалось, что, когда одно государство было в затруднительном положении, другое приходило на помощь. Из очень небольшого числа рус<ских> под<данных>, проживающих в Урумчи, некоторые ездят в Су-чжоу, Лань-чжоу и другие города провинции Гань-су и, торгуя там, пользуются гостеприимством тамошнего населения и покровительством местных властей. Подумав обо всем этом, я, Консул, обратился к здешним рус<ским> под<данным> купцам с предложением помочь по силе возможностей голодающему населению соседней

с Синьцзяном провинции. Купцы очень охотно отозвались на мое предложение и в короткое время собрали 200 лан серебра. Деньги эти пожертвованы без всякого принуждения, с искренним желанием облегчить страдания дружественного России народа». Китайские власти чрезвычайно тронуты вниманием Кон<сульст>ва и фактории. Торгующие в [Урумчи] Гань-су рус<ские> подданные жаловались на отсутствие содействия им со стороны тамошних китайских чиновников. Теперь, «после акта дружеского расположения», можно будет потребовать побольше внимания к нашим торговцам.

Кора тупого самодовольства и презрения ко всему европейскому начинает сильно лопаться на огромном теле китайского колосса и отваливаться большими кусками. Китай пробуждается к новой жизни. В такие периоды народного существования с чувствами национальной гордости и национального самолюбия надлежит обращаться особенно бережно и деликатно. Для нас в высшей степени важно быть в дружбе с Китаем, а между тем пора воздействия нашего на сынов Поднебесной Империи путем бряцания оружия и застрашиваний, миновала. Поэтому для укрепления положения нашего в Китае должны применяться теперь иные средства, чем прежде. Из числа этих средств справедливое и действительно благожелательное отношение к тому, с кем мы желаем быть в дружбе, является в моих глазах наиболее надежным и действительным.

Однако письмо мое затянулось – пора его кончать.

Так как сообщение через Иртыш по льду вследствие теплой погоды долго не могло установиться, образовался большой перерыв в получении нами почты из России; потом стали быстро получаться одна почта за другой. С настоящим письмом направляю Вам две книжки «Известий» Академии Наук и 11^м писем.

Вместе с Марией Романовной и детьми шлю Вам искренний привет и горячие пожелания успеха и благополучного окончания путешествия.

Глубоко уважающий Вас и всегда готовый к услугам

Н.Кротков.

Г<ород> Урумчи

30 декабря <19>09 г.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 26–29об.)

№ 29

Кротков – Ольденбургу

10 января <19>10 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Решительно не понимаю, что творится с почтой, идущей сюда из России: корреспонденция получается с очень большим опозданием;

газеты и журналы очень перебиты и перемешаны – с одной почтой приходят более новые номера, с другой в следующей раз, более старые. Не выказывает большой заботливости о нас и г<осподин> Лучич; письмо Самуила Мартыновича из Чугучака от 8го Декабря <19>09 г., сланное, очевидно, в Консульство, дошло до меня лишь 11го января.

Как идет Ваша работа в Кучэ? Каким путем думаете ехать назад в Россию? Неужели через Кашгар, а не через Урумчи? Это было бы очень и очень жаль! Так хотелось бы еще раз увидеться, поговорить и посоветоваться с Вами.

За время пребывания в Кашгаре, Турфане и Кучэ Вы, наверно<е>, сделали много наблюдений над местной жизнью и деятельностью в тех местах китайцев. Был бы очень признателен Вам, если бы Вы нашли возможным поделиться со мной Вашими сведениями относительно движения из Внутреннего Китая переселенцев в Синьцзянь и устройства их на новых местах; относительно нововведений, сделанных там китайскими властями; относительно чувств туземного населения к китайскому правительству и преобразованиям последнего времени.

Кстати, не откажите дать совет, писать ли мне о поездке своей на раскопки курганов около Са-ё-пу? Если нужно написать, то краткую заметку об этой поездке куда следует направить? Не нужны ли Вам эти фотографии?

Сам я теперь в свободное время занят составлением русско-китайского словаря пекинского и ганьсуйского наречия⁵¹. Кроме того, собираю материалы на китайском языке относительно вообще прошлого теперешнего Синьцзяна и относительно уйгуров в частности. Кое-что раздобыл. В погоне за материалами приходится иногда прибегать к различным уловкам. Так, недавно увидел у одного китайского чиновника интересную книгу о Си-юй (Западном Крае). Владелец с трудом согласился дать мне эту книгу на один день. Тогда я прибегнул к помощи принца. Он взял книгу у строптивного китайца и прислал мне. Через одного китайского студента написал в Пекин. Может быть, в тамошних книжных магазинах найдется нужная мне книга. Не полагаясь, однако, на благоприятный результат поисков в Пекине, я принялся за переписку имеющегося у меня под рукою экземпляра интересного сочинения. Переписываю частью сам, частью один китаец. Последний работает очень медленно. В месяц он переписал не более 15 страничек; за работу ему пришлось заплатить 15 рублей. Если это

---

⁵¹ В Архиве востоковедов ИВР РАН хранятся рукописи «Словарь русско-китайский и материалы к нему» (749 листов) и «Материалы для китайского словаря» (Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1–2).

так продолжится, то переписка книги обойдется рублей в 100. Немного дорого!

Жду с нетерпением от Вас писем.

Вместе со всей семьей шлю Вам искренний привет и наилучшие пожелания.

Искренне преданный *Н.Кротков*.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 30–31об.)

№ 30

Ольденбург – Кроткову

Многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич,

Только что вернулся из поездки в Кызыл, получил вчера вечером Ваше письмо от 30 декабря⁵² и спешу на него ответить.

Прежде всего, о Кучаре: работа здесь меня убедила в том, что я правильно сделал, приехав сюда и именно с той точки зрения, на которой стоите Вы – один, с тем превосходным переводчиком, который у меня, я могу гораздо больше сделать, так как гораздо свободнее, не имея тех мелочных забот, берущих много времени и сил, которые падают на «начальника» штатской экспедиции, где в интересах дела не приемлема военная дисциплина. Здесь все в таком большом масштабе сравнительно с Турфаном и Карашаром, что даже съемка не применима в разведочной экспедиции, так как здесь на съемки нужны *месяцы*. В области фотографии многое уже превосходно сделано М.М.Березовским, работу которого я, пройдя часто по его следам, научился высоко ценить. Сам я все-таки снял здесь до 100 фотографий и сделал около 30 эскизов (почти исключительно пещеры). Краткий перечень моих маршрутов покажет Вам, что, за одним исключением, о котором скажу дальше, *все* мало-мальски существенное мною осмотрено. В городе я почти не жил, возвращаясь только для проявления, для приведения в порядок записей и небольшого отдыха лошадям (передвигаюсь все верхом). Ближайшие окрестности города: Мин-жен-ата, великолепный образчик превращения буддийской святыни в мусульманский мазар, несколько тур, старых стен и т.д. Это из города. Из города же (с возвращением на ночь) Кызыл-карга (пещеры и оригинальные «туры»), Бойрачи, эти последние развалины недалекие и интересные, потому что, видимо, никем не посещались. Вероятные поездки: I. Криш, <к> с<северо->в<остоку> от города, минуй на юге и на севере Мин-уй Сым-сым. II. Субаши / <к> с<северу> от города, замечательные развалины, хорошо копаны французами, но много еще осталось. III. Поездка в пустыню Даван-кум два дня пути

⁵² См. письмо № 28.

от Кучара на ю<го>-з<апад> при большом напряжении можно сделать путь туда в один день, ночевка в заброшенной караулке Тадник, где развалины и откуда поблизости (5 в<ерст>) и пещеры Тограклык-акын. В Даван-куме среди песков, настоящая пустыня, раскидан ряд развалин.

IV. Кызыл – большие развалины – громадный старый минуй 180 ли на с<еверо->з<апад> от Кучара.

V. Кумтура – большой минуй и Конешары⁵³, поеду еще раз, в первый раз только заехал ненадолго по пути в Даван-кум.

Кроме того еще разные мелкие развалины. Упомянутое исключение – посещение развалин на ю<го>в<осток> от Кучара примерно в двух днях пути, к с<еверу> от Тарима (реки – кстати здесь ее никто под этим названием не знает!). Я отложил его на конец своего пребывания, п<отому> ч<то> надо было бы около недели провести в голой степи, что при ночных морозах в -10 было бы небезопасно. Теперь же меня торопят из Петербурга возвращением – много дел. К тому же мой старший помощник, служивший в Мин<истерстве> Торговли, получил место начальника отделения и должен уйти из Академии. Этот пробел, впрочем, не так важен, п<отому> ч<то> по характеру работы эти развалины походят на Даван-кум. Я больше рассчитывал на находки деревянных разных вещей, которые там, по-видимому, очень хороши.

Характер работы у меня вполне теперь ясен, надо только дожидаться отчета французов, которые работали хорошо и снимали в разных местах планы. Необходима карта, п<отому> ч<то> самая полная – 40 верстка, почти сплошь белое пятно, а то, что есть, этого не найти в действительности, не говоря уже об искажении и сочинении имен собственных! Для меня тут драгоценен мой переводчик и некоторые знание персидского и арабского (немного подучился и по-здесьнему «тюркӣ»). Здесь работы очень много, несмотря на прежние экспедиции. Из них я в ужасе от немцев: они напортили фресок, вероятно, не менее, чем вдвое против того, что взяли. Здесь фрески снимаются трудно, очень тонка штукатурка, и требуется усовершенствованных приемов и инструментов, к которым никто не прибегал, ограничиваясь простыми пилами и ножами. У меня здесь наберется не больше 1½ ящиков фресок, я не хотел повторить варварства немцев и брал только там, где мог быть уверен, что не испорчу.

Думаю, что за месяц с половиной упорной работы здесь (не менее 12 часов в сутки) я успел сделать то, о чем Вы пишете, и под-

---

⁵³ Конешари («Старый город») – местное обозначение городища Яр-хото, в котором I РТЭ начала работу 29 сентября 1909 г.

готовить определенный план работы. Теперь я немного уже начинаю уставать, но мне необходима была и душевно такая работа – смерть матери для меня больнее и тяжелее, чем могу сказать: наши отношения с ней всю жизнь были глубокие, и мы привыкли делиться всеми мыслями и чувствами. Не могу больше об этом писать, Вы поймете.

Теперь по поводу оставленных мною аксакалу денег: Вы мне сказали в Урумчи, что отныне Вы будете все направлять в Академию, где хранятся все прежние собрания и где ими занимаются. О том, что Вы послали деньги аксакалу, ни Вы, ни он мне ничего не сказали, между тем там были определенные вещи, которые надо было делить и ради которых я остаться не мог. Ваше заявление мне было настолько определенное, что я считал, что мы с Вами работаем вместе, да и как быть иначе? Мы оба работаем для России, для науки, а не для себя. Обрабатывать эти вещи можно только в Петербурге, а давать им залежаться без обработки нельзя. Дело не в деньгах данных, а в трудах, положенных на то, чтобы достать вещи. В этом Ваш труд, который, конечно, нельзя оценить деньгами, ценится и, надеюсь, после моего доклада об экспедиции, еще больше оценится. Позвольте тут немного попенять на Вас за несколько несправедливое отношение к ученым учреждениям и обществам: начну с ближайшей мне, с Академии, специально по отношению к Вами коллекциям. Ваш образ, над реставрацией которого работали два месяца, поставлен в великолепной раме, трудно его было лучше устроить. Рукописи каталогизированы и хранятся в отличных ящиках, над ними начата работа. Кульджинские терракоты изданы (я Вам привез отгиски)⁵⁴. *По моему возвращению я думаю, что наш Этнографический музей будет рад избрать Вас своим корреспондентом как выражение оценки Ваших трудов по собиранию древностей.* Думаю, что все это нельзя назвать невниманием. Относительно географ<ического> отд<еления> напомним, что, когда Ваше министерство не могло найти 150–200 руб<лей> для напечатания Вашего отчета, его отпечатало Географ<ическое> отд<еление>. Беда, конечно, что теперешний секретарь, человек хотя и добрый, но беспорядочный. Это этого страдают многие, напр<имер> я еще больше, чем Вы, мог бы жаловаться на невнимание, т<ак> к<ак> я хотя и долголетний член Совета, а тоже сплошь и рядом не получаю «Известий» и должен напоминать. Кончу Вост<очным> Отд<елением> Арх<еологического> Общ<ества>. Там после смерти бар<она> Розена все еще не установлен настоящий порядок: слишком много он сам делал и значил, чтобы скоро мог ему найтись преемник, тем более, что

---

⁵⁴ См.: Ольденбург 1909: 563–566.

у всех дел по горло; пока один Бартольд⁵⁵ про все и на все в отделении, а он и так страшно занят. Дайте немного устроиться делам, и все пойдет опять гладко. Вы мне сами как-то сказали, что склонны относиться немного подозрительно к людям, думаю, что случилось это и теперь. У нас в России вообще очень медленно идет признание достоинства людей, и часто к нам невнимательны. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы мне выяснили Вашу точку зрения на собирание древностей через местных агентов. Дело в том, что, если не действовать тут сообщая, то может случиться серьезная задержка с доставлением научного материала в Петербург для обработки, а с другой – порча его – особенно рукописей. Первое, н<a>пр<имер>, случилось с некоторыми вещами Петровского⁵⁶, которые у него залежались и попали к нам после его смерти в дар по завещанию, там есть предметы, которые, если бы были своевременно изданы, обозначили бы за Россией приоритет в важных вещах и, конечно, за Петровским. Потому то, что я увидел здесь – как сарты сохраняют рукописи, которые готовят к отправке Вам или в Кашгар, привело меня в смущение, рукописи крошатся и, пока дойдут до назначения, представляют часто почти негодную труху, которой они наивно предают цену, считая, что даже отдельные буквы или две на клочке имеют значение – для них слово «хат» магическое и после путешественников они ценят каждый такой клочок, – теперь, когда у нас уже много рукописей абсолютно лишенных научного значения, а потому и цены. *Это обстоятельство и побудило меня, как я Вам писал, вмешаться в дело лобнорских рукописей (буде они есть), которой грозила самая печальная участь. Думаю, впрочем, что тут Вы со мной вполне согласны и только желаете, чтобы рукописи (буде они есть!) попали скорее в Петербург для обработки их научно, а не остались на неопределенное время в Кит<айском> Туркестане. Чем скорее и сохраннее они попадут в Санкт-Петербург, тем, конечно, больше будет Ваша заслуга.* Аксакал все не идет, и я боюсь, что мне нельзя будет его дожидаться, чтобы увезти рукописи (буде они есть!) возможно сохраннее, не предпреляя, как я писал Вам,

---

⁵⁵ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – выдающийся российский востоковед – иранист, тюрколог, арабист; действительный член ПАН (с 1913 г.), член Русского комитета.

⁵⁶ Петровский Николай Федорович (1837–1908) – российский дипломат, востоковед – собиратель восточно-туркестанских древностей. Российский консул (с 1882), Генеральный консул в Кашгаре (1882–1903). За собранные коллекции рукописей, предметов материальной культуры, культа, хранящейся в фондах Эрмитажа и Архива Востоковедов ИВР РАН, был удостоен звания Почетного члена Императорского археологического общества; см.: Петровский 2010; Тункина 2011–2012: 105–124.

вопроса о принадлежности их. Меня усиленно торопят из Петербурга телеграммами, много дел в Академии, и я сейчас им, видимо, очень нужен. Я оставляю здесь точные инструкции заместителю аксакала, очень толковому Юлдашбай-ходжа насчет того, что, если будут рукописи, чтобы каждую уложили отдельно в ящик и спешно доставили Вам. *Вы, вероятно, пожелаете их поскорее переправить для разбора мне, сообщив, как Вы смотрите на них, как на экспедиционные или ка на Ваши.* 200 лан на поездку мною аксакалу даны. *Повторяю, мне кажется действительным в общих интересах, чтобы Вы, как инициатор находки, позволили бы честь ее экспедиционной и оставить расход за нами. Повторяю все-таки, что считаю Вас хозяином дела, от которого зависит то или другое решение.*

Уезжая отсюда, я оставляю им продолжателя исследования, моего переводчика, удивительно знающего и толкового человека, он уже научился недурно фотографировать, умеет делать эскизы (на забудем, что он путешествовал с Пржевальским⁵⁷, Певцовым⁵⁸, Дютрей-де-Ренсом, Мартеном⁵⁹, Сплингартом⁶⁰). Я оставляю ему аппарат 13 × 18, выписываю в Ташкент, куда он меня проводит, пластины и проявитель. Снабжаю его лошадью, попрошу Сокова добыть ему китайский паспорт и дать от себя бумагу, в Вашем содействии, если бы понадобилось, я заранее уверен. Поручаю ему быть в Уч-Турфане, Канпопге,

---

⁵⁷ Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – российский географ, путешественник, генерал-майор (с 1886); организатор и участник экспедиций в Уссурийский край (1867), Маньчжурию (1868), Центральную Азию (1870, 1872, 1876–1877, 1879–1881, 1883); Почетный член Академии наук (1878).

⁵⁸ Певцов Михаил Васильевич (1843–1902) – генерал-майор, исследователь Центральной Азии путешественник; в 1878 и в 1879 гг. совершил в торговом караваном экспедиции по Северной Монголии. Преемник Н.М.Пржевальского, с экспедицией которого путешествовал в 1889 и 1890 гг. по Восточному Туркестану. Северному Тибету и Джунгарии. Автор многочисленных книг, основанных на материалах путешествий.

⁵⁹ Мартен, Жозеф-Наполеон (Joseph-Marcoléon Martin; 1848–1892) – французский геолог, путешественник. Был командирован в бассейн р. Лена на поиск новых золотоносных рудников, поиском которых занимался в 1879–1881 гг.; собрал значительную этнографическую коллекцию. В 1882 г. совершил девятимесячное путешествие с Лены через Становой хребет на Амур. В 1888 г. в стремлении повторить путь Марко Поло пересек Китай и Тибет.

⁶⁰ Имеется в виду Поль Сплингард (Splingaerd Paul; 1842–1906) – бельгийский путешественник, переводчик, миссионер, занимавший различные посты в Китае, бригадный генерал, кавалер рыцарского Ордена Короны (1896). Российским исследователям Восточного Туркестана он был хорошо известен уже тем, что проехал вместе с экспедицией В.И.Роборовского 8 верст от Урумчи 1 ноября 1895 г. (Роборовский 1898: 49).

исследовать старую дорогу по Тариму на Лоб-нор⁶¹, проехать далее на Дунь-хуан и быть в Хами. Беру его на службу Комитета пока на один год. Заставил его вести пробные дневниковые записи – замечательно толково ведет, точно он опытный путешественник. Его главная задача – выяснение маршрутов и мест с древностями, съемка фотографий и, где можно, эскизов развалин, не сложных. Это много дешевле европейца, и найти европейца, которого я приравнял бы к нему по толковости, нелегко.

Экспедиция кончается, думаю, что результаты есть и серьезные. Теперь уже, верно, напишу из России. Раньше, чем кончить это длинное письмо, скажу спасибо, глубокое сердечное спасибо Вам и Марии Романовне. Уверен, что и другой консул мне, лицу официальному, посланному по Высочайшему повелению, оказал бы всякое содействие, но того глубоко сердечного человеческого отношения, которое я нашел в Вас обоих, не знаю, нашел ли бы я у других. Дай Бог Вам обоим всего хорошего, светлого в жизни, здоровья, радости в детях – славные они у Вас, – успех, верьте, он придет! Если чем-нибудь и как-нибудь могу быть Вам полезен и нужен, с радостью сделаю, что могу. Привет всей хорошей, прекрасной семье Кротковых.

Искренне Вам преданный и благодарный

Сергей Ольденбург.

Кучар. 27. I. 1910.

Писем не посылаю; совершенно не могу писать, слишком на душе смутно и трудно. Своим посылаю телеграммы.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 18–21об.)

№ 31

Кротков – Ольденбургу

1го марта <19>10 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Письмо Ваше от 27 января с<его> г<ода> получил и, отложив в сторону дела, спешу ответить на него.

Занимаясь собиранием древностей, я преследую одну только цель: посылить послужить науке в лице русских ученых. Поэтому в деле приобретения памятников прошлого Средней Азии никакой конкуренции Вам с моей стороны нет и быть не может. Не конкурентом

⁶¹ Исследование пути из Турфана к озеру Лобнор являлось давней мечтой С.Ф.Ольденбурга. Этот маршрут предлагался в качестве направления деятельности одной из двух экспедиций, которые ИРАО предполагало отправить в Центральную Азию (Веселовский, Клеменц, Ольденбург 1900: XIV, XVI–XVII).

Вашим желаю я быть, а возможно более деятельным помощником и сотрудником.

Во время пребывания Вашего в Урумчи я, помнится, говорил Вам, что, преследуя намеченную цель – быть полезным Академии Наук и Русскому Комитету собиранием для них древностей, я намерен добиться того, чтобы во всех более или менее важных в археологическом отношении пунктах Синьцзяна находились мои агенты из туземцев, которые скупали бы находящиеся у местных жителей древности и высылали бы их мне. Вы, насколько помню, отнесли к моему плану с одобрением и даже предлагали мне от Академии Наук некоторую сумму денег⁶² на расходы по приобретению древностей. Я счел неудобным принимать денежную помощь от учреждения, к которому у меня никакого прямого отношения пока еще не было, и решил работать исключительно на свои средства. При этом я полагал, что для бóльшего успеха необходимо, чтобы все дело сосредоточивалось в одних руках, чтобы агенты из числа туземцев руководились и рассчитывались лишь мною. Теперь Вы легко поймете, почему известие о том, что Вы дали нашему аксакалу в Турфане 100 лан на покупку древностей⁶³, неприятно поразило меня. Снабжение аксакала деньгами экспедиции явилось в моих глазах фактом, прежде всего, резко противоречащим составленному мною и Вами одобренному плану. Мне показалось что, снабжая Ахрархана деньгами, Вы сами желаете отделиться от меня, и без всяких задних мыслей поспешил указать на неудобство создавшегося положения, а именно – трудность определения, что куплено аксакалом на Ваши деньги и что на мои. Кроме того, высказаться против работы аксакала на меня и на Вас в отдельности побудили меня еще [следующие] некоторые опасения. Вот главные из них. Первое: дела у Ахрархана идут плохо, и потому данные ему деньги он может употребить на поправку своего положения, а не на покупку древностей. Второе: рус<ские> под<данные> торговцы недовольны Ахрарханом, потому с их стороны возможна просьба о замене Азизлярханова другим лицом. Третье: Ахрархан, если я буду вынужден отстранить его от должности Турфанского аксакала, потеряет всякое влияние и значение в местном обществе и для роли агента по собиранию древностей окажется совершенно неподходящим лицом. Из приведенных опасения моих основательность одного уже подтвердилась: 12 января те из живущих в Урумчи торговцев, которые через приказчиков и доверенных своих ведут в Турфане крупную торговлю, подали мне прошение, в котором жалуются на малое содействие

---

⁶² См. письмо № 25.

⁶³ См. также письмо № 25.

им со стороны Турфанского аксакала и просят о назначении на место Ахрархана другого лица – Абубакира Ялышева. Не могу не признать, что жалоба торговцев вполне справедлива: вследствие болезни ног Ахрархан почти не выходит из дому и крайне редко бывает в Ямыне Турфанского Тин-гуаня, а это, конечно, неблагоприятно отражается на ходе дел, возникающих в Турфане между русскими и китаецскими подданными. Консульству в целях лучшего наблюдения за деятельностью китайцев в Турфанском приставстве также необходимо иметь в своем распоряжении энергичного, здорового и подвижного человека, а не большого старика, сообщающего лишь пересказы других. Волею-неволею придется поэтому заменить Ахрархана Ябубакиром Ялышевым или каким-нибудь другим. Даст Бог, остальные два мои предположения не оправдаются. Во всяком случае, постараюсь, чтобы деньги Ваши за Ахрарханом не пропали.

Все, что говорил Вам лично в Урумчи относительно своего желания работать для нашей Академии наук, помню и подтверждаю. Для того, чтобы окончательно устранить возможность подозрений в конкуренции, отныне все древности, полученные мною, я уду направлять Вам и в полное Ваше распоряжение. Если Этнографический музей удостоит избрать меня своим корреспондентом, это будет для меня очень большой честью. Тогда, замечу здесь, легко решится и вопрос и деньгах на покупку древностей: став в непосредственные отношения к Музею, я буду приобретать древности на суммы, отпущенные им в мое распоряжение.

Прихожу прямо в отчаяние от того, что до сих пор не могу отправить в Чугучак ящики с древностями, добытые Вами в Кучэ и Турфане. Необычайно обильно выпавший по обе стороны Джаира снег на долгое время почти совершенно прекратил колесное движение между Шихо и Чугучаком. На верблюдов же Ваши ящики не принимают вследствие большого веса их. Как только мало-мальски установится путь и найдутся возчики, приложу все усилия к скорейшей доставке древности к господину Ляпунову.

Мое письмо застанет Вас уже за обычными занятиями Вашими в Академии наук. Как совершили Вы переезд из Кучэ в Петербург? Как Ваше здоровье?

Буду очень признателен, если, уловив свободную минуту, напишете о себе.

Вместе со всей семьей шлю Вам искренний привет и сердечные пожелания всего лучшего.

Глубоко уважающий Вас и всегда преданный Вам

Н.Кротков.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 32–33 об.)

№ 32

Ольденбург – Кроткову

4 марта 1910 г.⁶⁴

Многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич,

Рассчитывал еще перед отъездом написать Вам, как следует, но неожиданный визит ди-фан-гуаня, который пришлось отдать, т<ак> к<ак> еду завтра, отнял отмеренное на письмо время. Скажу одно, что в Кучаре, думается без [нрзб.], провел время с пользой для дела, научно много выяснил себе, в сущности большое, чем в Турфане. Неоцененной была для меня помощь переводчика, исключительно толкового человека, даже с чисто научными интересами. Жду от его поездки много, особенно хороших маршрутов по нетронутым местам. *Аксакала не дождался: он, бедный, видно, почувствовал себя между двух огней – Вами и мной, считая нас, очевидно, не товарищами по общему делу, а конкурентами – предпочел, конечно, Вас – начальство непосредственное. Попрошу Вас принять от него счет в 200 ланах. Если он все купит для Вас, то, значит, деньги он перешлет вам, и Вы будьте добры перевести их на Чугучак. Он пишет, что нашел немало, но мне говорит, что он привез немало. Поздравляю в таком случае Вас и нас. Буду ждать с нетерпением вестей об этих рукописях. Вы, наверное, поспешите их послать, чтобы мы не очень отставали от немцев и других. Лично я заинтересован тем, чтобы они пришли до лета, тогда могу обещать Вам скорую обработку, т<ак> к<ак> летом я свободнее.*

Увы, надо торопиться укладкой, завтра большая первая станция, 65 верст, и хочется приехать не очень поздно, ведем рано. Заколачивают три ящика, которые попрошу переслать в Чугучак. С ними едет наш повар, рекомендация Марии Романовне – прекрасный человек, безукоризненно честный и правдивый (два качества, увы, редкие здесь), и очень услужливый. Мы за него очень благодарны. Прилагаю свидетельство о лошадях, считаю это придишкой и очень сожалею, что Вам пришлось из-за нас иметь неприятный разговор. Прилагаю чек на 300 р<ублей>, включая и дом, и 150 р<ублей> за лошадей (во избежание переписки), и на орду, полагая, что Самуил Мартынович распорядился, как обещал, перевести на Ваше имя нужную сумму в Чугучак (за провоз прежних ящиков): он для этого имел от меня банковский чек. Если он почему-либо не сделал, и мы Вам должны, телеграфируйте мне по получении этого письма в Ташкент, я немедленно телеграфирую в Чугучак, чтобы перевели Вам. Всё дела, а так хочется

---

⁶⁴ Дата поставлена иным почерком, вероятно, Н.Н.Кротковым при получении письма. Само письмо датировано в конце отправителем.

еще раз от души пожать Вам обоим руку и сказать глубокое спасибо! Повторяю, если чем могу быть Вам полезен, скажите.

Даст Бог, увидимся. Теперь очень спешу, вызывают усиленно в Петербург.

Всего-всего хорошего всем Вам.

Искренно Вам преданный и благодарный

Сергей Ольденбург.

6. II. 1910.

Кучар.

Прилагаю свидетельство и чек.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 16–17)

№ 33

Кротков – Ольденбургу

15 марта <19>10 г.

Г<ород> Урумчи.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Приехал Сахари⁶⁵, ваш бывший повар. С ним Кучарский аксакал Хальмухамед⁶⁶ прислал мне письмо и два ящика с древностями. Из ящиков этих один адресован Вам, другой мне.

Хальмухамед пишет, что в Чархалыке он купил для Вас и для меня 3 бурхана, 2 медных колокольчика, 3 рукописи и несколько мелких свертков со старыми письменами; на покупку означенных вещей израсходовано 94 лана.

---

⁶⁵ Повар I РТЭ киргиз Сахарий Маймеров. В СПбФ АРАН (Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 18–18об.) сохранилось его письмо С.Ф.Ольденбургу: «Ваше Превосходительство Сергей Федорович! Выезжая от Вашего Превосходительства, я прибыл в Урумчи 5 марта с.г. благополучно. Наверное, Ваше превосходительство, и Вы прибыли на месте благополучно и желаю Вам всегда от Бога доброго здоровья. Затем привет Ваше я передал г. Консулу Кроткову, за что он меня поблагодарил. Адрес: через Чугучак в Урумчи. Сахарию Маймерову. Киргиз Семипалатинской области Зайсанского уезда Богазовской волости № 8 аула Сахарий Маймеров. Гор<од> Урумчи, 20 марта 1910 года (Западный Китай)».

⁶⁶ Имеется в виду сартский аксакал Халь-Мухаммед Рахмет Уллаев. По ходатайству председателя РКИСВА В.В.Радлова Император Николай II 24 октября 1908 г. пожаловал ему серебряную медаль «с надписью “за усердие” для ношения на шее на Станиславской ленте» за «неоднократно оказанные им услуги нашим научным экспедициям в Западном Китае». Товарищ министра иностранных дел 17 ноября 1908 г. сообщил В.В.Радлову, что по представлению управляющего МИД приказом туркестанского генерал-губернатора «наш торговый старшина в гор. Кучаре русско-подданный Халь-Мухаммед Рахмет Уллаев награжден почетным халатом первой степени» (СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 51. Л. 111, 114–114об.).

Из письма аксакала видно, что рукописи он уложил вместе с бурханами. Отправлять рукописи в таком виде дальше значило бы, по моему, подвергаться риску испортить их. Вследствие этого я решил вскрыть оба ящика и произвести переукупорку древностей. В ящике, адресованном на Ваше имя, оказалось: 2 бурхана, 2 тибетских рукописи, 1 колокольчик и 14 шт<ук> свертков молитв, вкладываемых обыкновенно внутрь бурханов. Ящик же, присланный мне, вмещал: 1 бурхан, 1 колокольчик, 1 тибетскую рукопись и 12 свертков с молитвами. Все три рукописи я уложил вместе и высылаю их Вам одной посылкой с легкой почтой одновременно с этим письмом. Медные вещи отправлю Вам дня через три с тяжелой почтой.

Древности, полученные мною от Хальмухамеда (они выделены мною на всякий случай особою меткою), прошу принять от меня и считать экспедиционными.

Тот молодой китаец, которого Вы случайно встретили в Турфане на китайском телеграфе и которому посоветовали показать мне имевшиеся у него древности, был у меня. Я приобрел у него несколько уйгурских рукописей (всего 13 листиков); покупка обошлась мне в 15 руб<лей> на русские деньги. Приобретение свое, которому, наверно<е>, будет очень рад Василий Васильевич Радлов, посылаю Вам вместе с рукописями из Чархалька.

11го марта 32 ящ<ика> с древностями экспедиции отправил в Чугучак; один ящик отправил туда же ранее. Вследствие дурного состояния дорог цены на перевозку [(на перевозку)] клади значительно поднялись против обыкновенного: за доставку 33 ящ<иков> в Чугучак пришлось уплатить вместо предположенных 360 лан 435 лан или, по теперешнему курсу на русский рубль в Урумчи, 580 руб<лей>.

При сем посылаю Вам небольшой счет к Туркестанской экспедиции.

До сего времени, к великому сожалению, ни «Известий» Русского Комитета, ни уйгурских текстов, изданных Академией Наук, ни изданий Восточного Факультета не получил.

В свободное время ищу в китайских источниках неизвестных еще сведений об уйгурах и вообще о прошлом Средней Азии. Кое-что уже нашел.

Как Вы поживаете? Когда снова предполагаете собраться сюда?

О своих делах планах и намерениях напишу подробно в следующем письме.

Прошу принять мой сердечный привет и искренние пожелания всего лучшего.

Готовый на услуги *Н.Кротков*.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 34–35об.)

№ 34

Кротков – Ольденбургу

20 мая <19>10 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

2го апреля, с тяжелой почтой, казенной посылкой за № 80, отправил в Этнографический музей Академии Наук для передачи Вам остальное из того, что получил от аксакала Хальмухамеда. Бурхан и колокольчик, присланные аксакалом мне, отмечены прикрепленными к ним билетиками. И эти вещи, подобно рукописи, которая отослана Вам раньше в посылке № 36, прошу принять от меня и считать экспедиционными.

Собирание древностей идет у меня очень успешно. Мне удалось завербовать в число своих агентов одного мелкого торговца из рус<ских> под<данных> сартов, человека очень ловкого и смысленного. Этот сарт ездил недавно в Турфан. Там ему посчастливилось войти в доверие к астанинскому дарогі. Последний сообщил, что покойный турфанский Ди-фан-гуань Цзэн с помощью его, дарогі, получил много древних рукописей, в том числе немало и уйгурских. Мой агент отыскал сына покойного Цзэна, познакомился с ним и, расположив к себе подарками и разными услугами, уговорил показать рукописи, перешедшие к нему после смерти его отца. Убедившись в том, что в коллекции молодого Цзэна много рукописей, несомненно, не китайских, ловкий торговец доказал названному китайцу всю бесполезность держать ревности под спудом и склонил его продать часть коллекции. Покупка состоялась и, на мой взгляд, оказалась очень удачной: приобретено много больших листов хорошего уйгурского письма, с китайским переводом и без него.

В Кара-ходжо минувшею зимою один туземец нашел при раскопках клад в 500 старинных серебряных монет. На монеты эти оказался спрос, и они были быстро раскуплены китайцами и сартами по цене от 80 коп<еек> до 1 руб<ля> на китайские деньги. Несколько десятков таких монет попало мне в руки. Счастливец, нашедший клад, заработал кругленькую сумму в 400 слишком рублей китайскими деньгами. Это произвело сенсацию среди туземного населения, и теперь много народу принялось за раскопки в различных местах Турфанского приставства.

Новый Турфанский тин-гуань также коллекционирует древности. По его приказанию понемногу стали делать раскопки в Туюке⁶⁷. Не-

---

⁶⁷ Туюук-мазар – один из буддийских пещерных храмовых комплексов Восточного Туркестана (Турфанский округ), кратко исследованный I РТЭ и ранее – целым рядом иностранных экспедиций, в том числе – ПИТЭ под руководством А.Грюнведеля и экспедицией М.А.Стейна.

давно там открыли 4 статуи величиной почти в человеческий рост. Из них две доставлены мне: одна статуя деревянная, другая – из глины. Лицо у первой статуи сильно стерто, у второй не повреждено. Дорогу от Турфана до Урумчи статуи выдержали прекрасно; но для дальнейшей отправки пришлось бы их укладывать более тщательным образом и даже, может быть, понадобились бы другие ящики. Высылать ли Вам статуи? Пересылка их будет стоить в общем недешево. Не придет ли в этом случае мне на помощь Этнографический музей?

С китайцами у меня дела идет отлично, недоразумений никаких нет, отношения превосходные. За последнее время опять было несколько случаев обращения ко мне за содействием со стороны других наших консулов в Западном Китае. Недавно мною приведен, между прочим, к благополучному концу неприятный инцидент, возникший из-за отказа чугуцакского ди-фан-гуаня обменять представленные ему рус<ским> под<данным> торговцем Чанышевым казенные кредитки на серебро и вызвавший резкое препирательство г<осподина> Лучича с тарбагатайскими властями. Здешняя администрация чрезвычайно довольна тем, что многие недоразумения, возникающие у русских консулов с китайцами в Кашгаре, Кульдже и Чугучаке, не доходя до Пекина, удачно улаживаются при содействии Урумчийского Консульства. Китайские чиновники в гор<оде> Урумчи неоднократно уже высказывали желание, чтобы порядок, установившийся теперь относительно дел, которые почему-либо не могут быть окончены в Кашгарском, Кульджинском или Чугучакском консульских округах, был узаконен и не находился бы, как теперь, в непосредственной зависимости от того, кто здесь консул. По словам тех китайцев, от которых приходилось слышать подобные желания, урумчийский консул стоит в их глазах выше других русских консулов в Западном Китае уже по одному тому, что он является представителем русского правительства в административном центре Синьцзяна и имеет постоянные сношения с главным начальником края и его ближайшими помощниками. Так говорят китайские чиновники о значении и роли Урумчийского консульства. И трудно, мне кажется, не признать их суждений вполне правильными. Для учреждения в Урумчи настоящего Генерального Консульства, пожалуй, еще не настало время; но поддержать престиж здешнего агента Министерства Иностранных дел предоставлением ему звания личного Генерального Консула решительно необходимо и весьма важно в целях дальнейшего развития русского Дела в Западном Китае, где у нас имеется так много интересов первостепенного значения.

Как только позволит время, попробую объяснить все это нашему Посланнику в Пекине, при чем укажу, что, если предоставление мне звания личного Генерального Консула начальство мое находит еще

преждевременным, то для пользы дела я охотно уступлю свое место другому, в глазах Миссии более достойному чиновнику и без всякой обиды приму перевод в другое место, в особенности же такое, где условия жизни не так тяжелы, как в Урумчи.

Но, каков бы ни был исход моих сношений с Посланником по означенному вопросу, пока я здесь, деятельность свою, направленную на соби́рание древностей, постараюсь развить возможно шире. Памятники Прошлого Средней Азии, добытые мною, по мере приобретения их будут высылаться Вам.

Из-за сильных буранов, бывших особенно часто в январе и феврале почта между Семипалатинском и Чугучаком ходила в высшей степени нерегулярно. Случалось, что в Чугучаке недели по 1½ не получали известий из России; затем сразу приходили две или три почты. Это, в свою очередь, вызывало скопление и залеживание в Чугучакском Консульстве пост-пакетов с корреспонденцией, адресованной проживающим в Урумчи русским подданным. Однажды таких пост-пакетов в Чугучакском Консульстве оказалось семь. Г<осподин> Лучич переслал их в Урумчи по одному, без всякой постепенности, т.е. нисколько не сообразуясь с временем поступления их в Чугучак. Только подобными почтовыми [(почтовыми)] неурядицами я могу объяснить тот факт, что мною лишь недавно получено письмо Вас<илия> Вас<ильевича> Радлова, отправленное из Петербурга 31 декабря мин<увшего> года.

В этом письме Вас<илий> Вас<ильевич> просит меня подробно изъяснить ему, чем и как, по моему мнению, Академия Наук могла бы вознаградить меня за мои заботы о науке. Что ответить на это? Конечно, буду считать себя щедро вознагражденным, если о трудах моих для Академии Наук Василий Васильевич найдет возможным доложить Государю; буду чрезвычайно рад, если Этнографический Музей, выбрав меня своим корреспондентом, станет ежегодно отпускать в мое распоряжение на приобретение интересных для него вещей некоторую сумму денег; сочту особым знаком внимания к себе со стороны Академии наук, если она в интересах дела поможет мне расширить мои собственные познания о Средней Азии вообще и об уйгурах в частности присылкою сюда таких книг и пособий, как «Атлас древностей Монголии» В.Радлова⁶⁸, «История Восточных монголов в период династии Мин» Д.Покотилова⁶⁹, «Китайский пантеон» П.С.Попова⁷⁰, издаваемые Академией, с переводом на русский язык и с транскрип-

---

⁶⁸ Имеется в виду один из отчетов Орхонской экспедиции, организованной В.В.Радловым: Радлов 1892–1893.

⁶⁹ Имеется в виду следующее издание: Покотилон 1893.

⁷⁰ Имеется в виду следующее издание: Попов 1907.

цией, уйгурские тексты и проч^{<ее>}, чего в книжных магазинах купить нельзя. Вообще говоря, мне думается, что, если деятельность моя по собиранию древностей признается заслуживающей поощрения, то Академия Наук могла бы оказать моему стремлению посильно послужить русским ученым самую широкую поддержку – поддержку нравственную и материальную.

Вы, глубокоуважаемый Сергей Федорович, более, чем кто-либо другой, посвящены в планы дальнейших работ моих для Академии Наук; Вам более, чем кому-либо другому, известны условия, при которых мне придется теперь работать. Зная это и беря во внимание, с одной стороны, Ваше дружеское отношение ко мне, а с другой то, что Вы постоянно ободряли меня в моей работе, я позволяю себе думать, что Вы не откажетесь в свою очередь объяснить Василию Васильевичу, чем и как мог бы он быть мне полезен и чем и как могла бы Академия Наук помочь мне шире развернуть свою деятельность по собиранию древностей.

Над уничтожением памятников прошлого Средней Азии усердно работают и время, и люди, особенно последние. Каждый год весною часть старых городищ отходит обыкновенно под пашни; в надежде найти богатый клад турфанки снова принялись теперь копать то там, то сям; по распоряжению турфанского тин-гуаня ведутся раскопки в Туиоке. Результатом всех этих раскопок будет, между прочим, то, что в руках местного населения очутится много интересных для науки вещей. Надо, думается мне, не упускать случаев скупать подобные вещи, иначе они попадут в другие руки – всегда ведь возможен приезд иностранных ученых. По газетным известиям, одна научная экспедиция (кажется, английская) сюда уже направляется. Ввиду этого я намерен, если останусь в Урумчи, приняться за приобретение древностей от местного населения с особой энергией. Вполне уверен в том, что Вы отнесетесь с полным сочувствием к моему намерению и поможете мне поставить это дело возможно лучше.

Однако письмо мое вышло очень длинным – пора кончать его. Получены ли Вами две посылки с древностями, доставленными из Чархалыка? В каком виде дошли вещи? Не откажите дать указание относительно наилучшего способа пересылки рукописей.

Как Ваше здоровье? Как идут работы? Скоро ли появится отчет о Вашей рекогносцировочной поездке в Турфан и Кучар?⁷¹ Когда снова соберетесь в Китайский Туркестан? – Буду очень рад, если, уловив свободную минуту, напишете несколько строк.

---

⁷¹ Вероятно, имеется в виду следующая публикация: Ольденбург 1911: 20–31. Более подробный отчет появился из печати только в мае 1914 г.: Ольденбург 1914.

Вместе со всей семьей шлю Вам искренний привет и сердечные пожелания всего лучшего.

Преданный Вам *Н.Кротков*.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 36–39)

№ 35

Кротков – Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Получил дипломы на звание корреспондента Музея антропологии и этнографии при Академии Наук и члена-корреспондента Русского Комитета для Изучения Средней и Восточной Азии. Весьма обрадован и польщен этим. Уверенный в том, что такое внимание оказано мне, главным образом, вследствие Ваших лестных отзывов обо мне, покорнейше прошу принять мою искреннюю и глубокую благодарность.

О Вас самих и о деятельности Вашей имею сведения лишь из газет, на днях, впрочем, узнал кое-что еще от Строковского. Вы, конечно, страшно заняты – на руках у Вас и текущие дела Академии, и работ по составлению отчета о поездке Вашей в Китайский Туркестан. Считаясь с этим, я предпочел не беспокоить Вас более своими письмами и поручил В.Л.Котвичу узнать при удобном случае, исправно ли получены вещи экспедиции, которые были отправлены мною через контору Каменных, и две посылки* с древностями из Чархалька. Не знаю, исполнил ли он мое поручение.

О себе могу сообщить немного. Просил у Министерства трехмесячного отпуска. Отпуск мне разрешен. Предполагаю выехать во второй половине мая. С приездом сюда К.С.Раздольского⁷², нового Секретаря Консульства, я освободился от мелкой канцелярской работы и получил возможность более усердно заняться собиранием разного рода древностей. Собрал древностей порядочно. Одну часть их уже отправил у Русский Комитет (казенная посылка № 97), другую же, большую часть, привезу с собой. Очень жалею, что до сих пор ни от Вас, ни от В.В.Радлова не получил никаких указаний относительно статуи, найденных в Туиоке⁷³.

---

* № 36 и № 80 (ссылка в письме Н.Н.Кроткова. – М.Б.)

⁷² Раздольский К.С. – секретарь консульства в Кобдо (см. в частности: Моисеев 2000: 392–393), в 1917 г. – сотрудник российской резидентуры в Бухаре.

⁷³ Вероятно, указания от В.В.Радлова последовали, и уже через четыре года С.Ф.Ольденбург (Ольденбург 1914: 51) сообщает в своем отчете о I РТЭ о предметах из Туок-Мазара, переданных Н.Н.Кротковым в МАЭ, директором которого был В.В.Радлов.

С удовольствием вспоминая время, проведенное с Вами в Урумчи, вместе со всей семьей шлю Вам сердечный привет и наилучшие пожелания.

Уважающий Вас и всегда готовый к услугам

Н.Кротков.

8го апреля 1911 г.

Г<ород> Урумчи.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 40–41)

№ 36

Кротков – Ольденбургу⁷⁴

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

26 мая с<его> г<ода> я выехал из Урумчи в Петербург. Дорогою меня постигло тяжелое горе: Марию Романовну разбил паралич – у нее отнялась левая рука и нога. С большими затруднениями я довез жену до Петербурга и немедленно пригласил к ней специалиста по нервным болезням проф<ессора> Розенбаха⁷⁵. 11го июля состоялась консультация Розенбаха с доктором Кернигом⁷⁶ (внутрен<ние> болезни), а 13го числа того же месяца я увез больную по настоянию врачей в Сестрорецк.

Здесь состояние здоровья Марии Романовны весьма заметно улучшилось, и числа 15–16 августа я думаю уже перебраться в Петербург.

Не откажите, пожалуйста, уведомить меня, когда бы я мог наверняка застать Вас дома или в Академии. Адрес мой: до 15 августа: Сестрорецк, Водоспускный канал, дача № 3 Лапотниковой; после же 15 августа – Каменноостровский проспект, д. 54/31, кв. 23.

Искренне уважающий Вас и всегда готовый к услугам

Н.Кротков.

10 августа <19>11 г.

Сестрорецк.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 42–42об.)

⁷⁴ В правом верхнем углу первой страницы письма, вероятно, рукой С.Ф.Ольденбурга сделана отметка: «Получ<ено> 12. VIII. <1>911. Отв<ече-но>».

⁷⁵ Розенбах Павел Яковлевич (1858–1918) – врач-психиатр, приват-доцент Военно-медицинской академии, профессор Психоневрологического института, с 1904 г. – заведующий отделением для душевнобольных при Санкт-Петербургском Николаевском военном госпитале.

⁷⁶ Керниг Владимир Михайлович (1840–1917) – российский врач-терапевт, специалист по внутренним болезням: в 1881–1886 гг. преподавал внутренние болезни на Женских врачебных курсах, с 1884 г. – консультант по внутренним болезням при ведомстве учреждений Императрицы Марии (Федоровны), в 1890–1911 гг. – главный врач Обуховской больницы.

№ 37

Ольденбург – Кроткову

Императорская Академия Наук

Непременный секретарь

12 августа 1911 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Николаевич,

Глубоко тронуло меня только что полученное от Вас известие о болезни Марии Романовне. Понимаю, как Вам тяжело, и от всего сердца сочувствую Вам. Я никогда не забуду то истинно родственное участие, которое нам оказала нам Мария Романовна на чужбине. Если бы я не боялся помешать Вам, я сейчас ж бы приехал сам. Черкните мне, удобно ли это?

Я здесь в Академии *каждый день* с 8 утра до 1 часу, затем могу освободить любой вечер или день, какой будет удобен Вам. Горячо желаю скорейшего поправления Марии Романовне, пожалуйста, передай<те> ей мой привет и лучшие пожелания.

Искренно преданный Вам

Сергей Ольденбург.

(АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 22–23)

№ 38

Кротков – Ольденбургу⁷⁷

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

И Мария Романовна, и я были чрезвычайно рады возможно скорее увидеть Вас. Немало воспоминаний связывают нас с Вами! О многом хотелось бы порасспросить Вас, относительно многого хотелось бы посоветоваться с Вами. Тем не менее, просить Вас приехать к нам на дачу мы не смеем – эта поездка отняла бы у Вас целый день. К тому же у нас теперь начались сборы к переезду в город.

Не лучше ли сделать так: 16 августа мы переберемся в Петербург, а 18 числа, если позволите, я буду у Вас, и мы уговоримся, когда мне возможно рассчитывать видеть Вас у себя.

Свободны ли Вы 18 августа? В какое время Вам удобнее принять меня и где – в Академии или же у Вас на дому? Не откажите, пожалуйста, черкнуть в ответ несколько слов.

За искреннее слово сочувствия в постигшей нас беде большое спасибо!

---

⁷⁷ В правом верхнем углу первой страницы письма, вероятно, рукой С.Ф.Ольденбурга сделана отметка: «Получ <ено> 14. VIII. <1>911. Отв<ечено>».

Мария Романовна и дети просят Вас принять их сердечный привет и наилучшие пожелания.

Уважающий Вас

Н.Кротков.

13 августа 1911 г.

Адрес:

до 15 августа – Сестрорецк, Водоспускный канал, дача № 3 Лапотниковой;

с 16 августа – Каменноостровский проспект, д. 54, кв. 23.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 43–43об.)

№ 39

Кротков – Ольденбургу

30 октября 1911 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Если при встрече с администрацией Музея им<ени> Александра III⁷⁸ вспомните и будете говорить обо мне, то не откажите, пожалуйста, указать, что помимо знания китайцев и маньчжур, я знаком также с бытом татар, сартов, таранчей, киргизов и калмыков, кроме того, имею познания в буддизме и шаманстве.

Был бы очень благодарен, если бы о результатах переговоров по моему делу Вы известили меня кратким письмом. Простите, что просьба<ми> своими причиняю Вам беспокойство.

Искренне уважающий и глубоко преданный

Н.Кротков.

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 30. Ед. хр. 305. Л. 44)

---

⁷⁸ Имеется в виду Русский музей императора Александра III – обозначением до 1917 г. нынешнего Государственного Русского музея; не путать с Музеем изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете, с 1917 г. потерявший имя своего покровителя и переименованный в 1932 г. в Государственный музей изобразительных искусств и получивший в 1937 г. имя А.С.Пушкина (ГМИИ им. Пушкина). Хотя до открытия современного здания Музея имени императора Александра III должно было пройти еще около полугода – его двери распахнулись 31 мая / 13 июня 1912 г. – сам музей функционировал уже с 1895 г., когда рамки Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета стали для него слишком узки.

SUMMARY

“We both Work for Russia, for Science...”:

Correspondence of S.F.Oldenburger and N.N.Krotkov
from the Archival Collections of the Russian Academy of Sciences
(Introduction, Text and Comments by *M.D.Bukharin*)

The correspondence for the years 1908–1911 between Perpetual Secretary of the Imperial Petersburg Academy of Sciences, head of two Russian Turkestan Expeditions (1909–1910 and 1914–1915) S.F.Oldenburger and Russian consul in Urumchi (Eastern Turkestan) N.N.Krotkov from the collections of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg Branch) and “Archive of the Orientalists” of the Institute of the Oriental manuscript of the Russian Academy of Sciences is published in the given article. These letters largely enrich our knowledge on the history of archaeological exploration of Eastern Turkestan by the Russian archaeological Expeditions.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баскаков 1987 – *Баскаков Н.А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // Советская Тюркология. 1987. № 1. С. 69–75 = *Turcica et Orientalia. Studies in Honour of Gunnar Jarring on his Eighties Birthday 12 October 1987.* Stockholm, 1988. P. 1–8 (Swedish Research Institute in Istanbul. Transactions. 1).

Бухарин 2012 – *Бухарин М.Д.* Письма П.К.Козлова С.Ф.Ольденбургу из собрания ПФА РАН (вступительная статья, публикация и комментарии М.Д.Бухарина) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2012. № 4. Памяти Б.А.Литвинского. М.: Магнитогорск. С. 288–304.

Бухарин 2013 – *Бухарин М.Д.* Письма А.А.Дьякова С.Ф.Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // Вестник истории, литературы, искусства. 2013. 9. С. 440–448.

Бухарин М.Д. Письма А. Грюнведеля С.Ф.Ольденбургу из собрания ПФА РАН // *Πολύτροπος*. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова. М., 2014. С. 363–400.

Бухарин, Тункина 2015 – *Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Русские Туркестанские экспедиции в письмах С.М.Дудина к С.Ф.Ольденбургу из собрания СПФ АРАН (в соавторстве с И.В.Тункиной) // *Восток-Oriens*. 2015. № 3. С. 107–128.

Веселовский, Клеменц, Ольденбург 1900 – *Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф.* Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. 1900. 13. С. IX–XVIII.

Гаген-Торн 1975 – *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

Долбежев 1909 – *Долбежев Б.В.* Поездка секретаря консульства в Урумчи Б.В.Долбежева к развалинам Бишбалыка (Из письма к В.Л.Котвичу) // ИРКСВА. 1909. № 9. С. 66–70.

Дьяконова 1995 – *Дьяконова Н.В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф.Ольденбурга, 1909–1910 гг. М., 1995.

Коржинская 1903 – *Коржинская О.М.* Индийские сказки: Сборник сказок для детей среднего возраста: составлено по разным источникам О.М.Коржинской / С предисловием академика С.Ф.Ольденбурга. СПб. [1903].

Литвинский, Терентьев-Катанский 1988 – *Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П.* История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988. С. 17–82.

Моисеев 2000 – *Моисеев В.А.* Национально-освободительное движение в Западной Монголии в 1911–1913 гг. и политика России // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина: материалы конференции. Барнаул, 2000. С. 388–397.

Муромский 1909 – *Муромский Ф.В.* Отчет о поездке в Кульдинский район Ф.В.Муромского в 1907–1908 гг. // ИРКСВА. 1909. № 9. С. 30–34.

Нольде 1930 – *Нольде Б.Э.* Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930.

Ольденбург 1909 – *Ольденбург С.Ф.* Кульджинские буддийские терракотовые пластинки собрания Н.Н.Кроткова // ИИАН. 1909. III. № 8. С. 563–566.

Ольденбург 1911 – *Ольденбург С.Ф.* Разведочная археологическая экспедиция в китайском Туркестане в 1909–1910 гг. (Сущность сообщения на заседании Восточного археологического общества) // ЗВОРАО. 1911. С. 20–31.

Ольденбург 1914 – *Ольденбург С.Ф.* Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 г. Снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

Петровский 2010 – *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма / В.С.Мясников (Отв. ред.). М., 2010.

Покотилов 1893 – *Покотилов Д.Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.

Попов 1907 – *Попов П.С.* Китайский Пантеон. С десятью таблицами (доложено в заседании Историко-филологического отделения 15 февраля 1906 г.). СПб., 1907 (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук; [т. 1]. Вып. 6).

Попова 2008 – *Попова И.Ф.* Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф.Ольденбурга (1909–1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2008. С. 148–157.

Попова 2008а – *Попова И.Ф.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф.Ольденбурга (1909–1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2008. С. 158–175.

Попова 2011 – *Попова И.Ф.* Турфанская коллекция А.И.Кохановского в собрании ИВР РАН // В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С.Мясникова. М., 2011. С. 161–166.

Рагоза 1972 – *Рагоза А.Н.* К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1969. М., 1972. С. 244–261.

Радлов 1892–1893 – *Радлов В.В.* Атлас древностей Монголии. Т. I–II. СПб., 1892–1893.

Роборовский 1898 – *Роборовский В.И.* Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893–1895 гг. // ИИРГО. 1898. XXXIV. С. 1–60.

Скачков 1993 – *Скачков П.Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914–1925 гг. // Петербургское востоковедение. 1993. 4. С. 313–320.

Тункина 2011–2012 – *Тункина И.В.* Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем В.Р.Розену и С.Ф.Ольденбургу) // Восток–Запад: историко-литературный альманах. 2011–2012. М., 2013. С. 105–124.

Федоров 1903 – *Федоров С.А.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903.

Юнусходжаева 1988 – *Юнусходжаева М.Ю.* Архивные документы о роли Средней Азии в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX в. // Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 9. С. 36–39.

Bukharin 2014 – *Bukharin M.D.* Exploration of the Eastern Turkestan in the Archival Heritage of Albert Grünwedel (His Letters to S.F. Oldenburg from the Archives of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg Branch) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2014.

Zorin 2012 – *Zorin A.* The Collection of Dunhuang Tibetan Texts Kept at the IOM RAS // Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research=Дунхуановедение: перспективы и проблемы второго столетия исследований / Ed. by I.Popova, Lyu Yi. St.-Petersburg, 2012. P. 365–367.